

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ № 1 (7) • 2018

В НОМЕРЕ:

Б. Н. Тихомиров. Из казусов петербургской топонимии
(по следам Достоевского, его персонажей и исследователей)

Р. А. Попов. Великая московская реставрация
(опыт топонимических преобразований в Москве начала 1990-х гг.)

Д. В. Петров. Названия как орудие советской пропаганды
(новые архивные примеры Ленинграда и области)

А. Б. Рыжков. «Ленинградское дело» в названиях улиц

Е. Б. Белодубровский. Моя Конюшенная площадь... или Последний
лицеист

Г. Г. Мартынов. Новое издание по истории и культуре Терийоки /
Зеленогорска

СОДЕРЖАНИЕ

Петербург: город, пригороды, окрестности

Б. Н. Тихомиров. Из казусов петербургской топонимии
(по следам Достоевского, его персонажей и исследователей) 2

Россия. Города и веси

Р. А. Попов. Великая московская реставрация
(опыт топонимических преобразований в Москве начала 1990-х гг.) 8

Исторические исследования

Д. В. Петров. Названия как орудие советской пропаганды
(новые архивные примеры Ленинграда и области) 28

А. Б. Рыжков. «Ленинградское дело» в названиях улиц 40

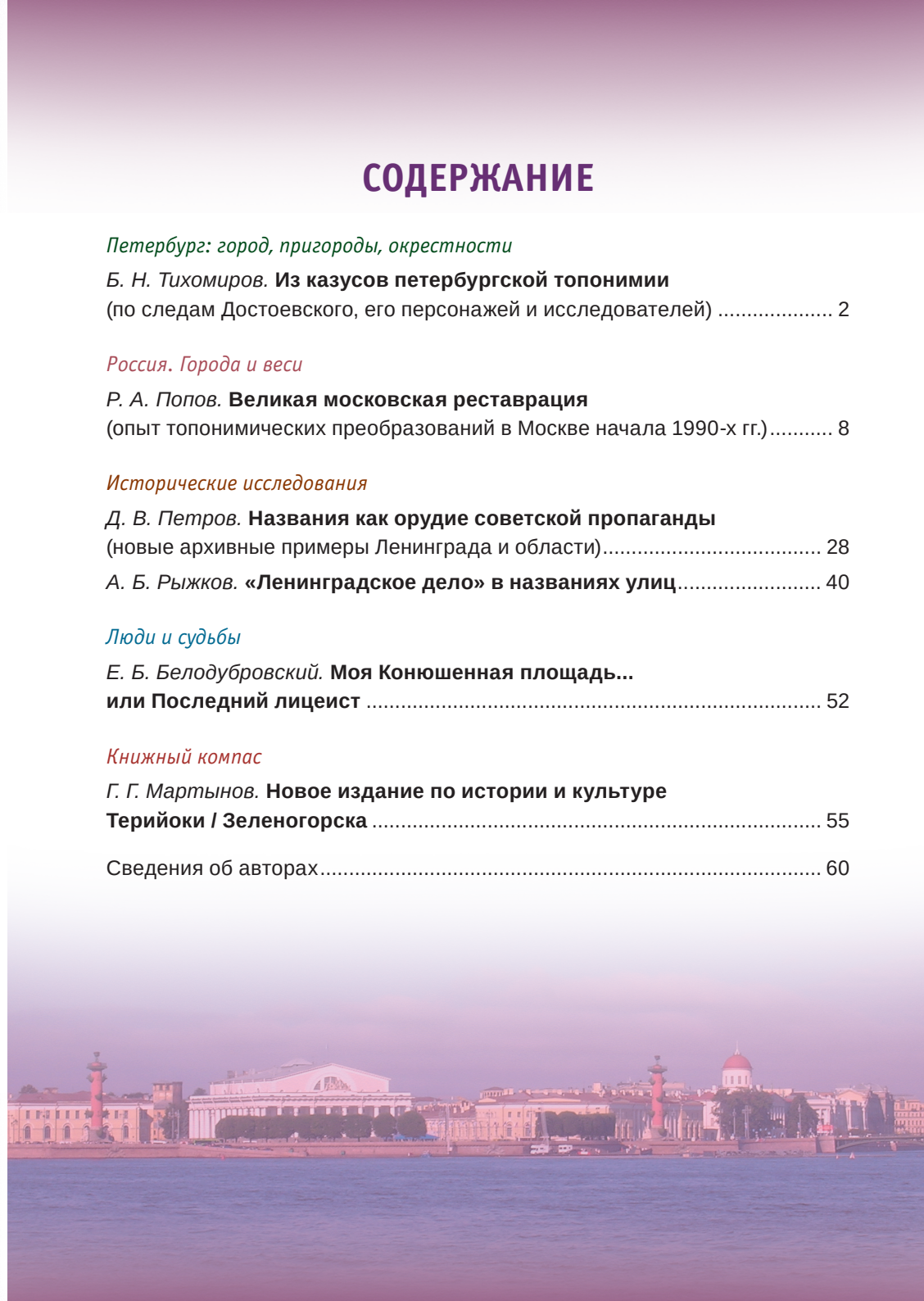
Люди и судьбы

**Е. Б. Белодубровский. Моя Конюшенная площадь...
или Последний лицеист** 52

Книжный компас

**Г. Г. Мартынов. Новое издание по истории и культуре
Терийоки / Зеленогорска** 55

Сведения об авторах 60

Б. Н. Тихомиров

ИЗ КАЗУСОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТОПОНИМИИ (по следам Достоевского, его персонажей и исследователей)

Поводом к написанию этих заметок послужила неожиданная, а потому особенно обидная оплошность, допущенная опытным и авторитетным исследователем творчества Достоевского при комментировании городских реалий Петербурга, упоминаемых в романе «Преступление и наказание». Речь идёт об эпизоде, в котором жених Дунечки Раскольниковой Пётр Петрович Лужин, которого прогнала невеста после скандала, устроенного им в гостинице при встрече со своими будущими родственниками, в злобе размышляет о совершённых им ошибках: «Я думал их в чёрном теле попридержать и довести их, чтоб они на меня как на провидение смотрели, — думает Лужин, — а они вон!.. Тыфу!.. Нет, если б я выдал им за всё это время, например, тысячи полторы на приданое, да на подарки, на коробочки там разные, несессеры, сердолики, материи и на всю эту дрянь от Кнопа да из английского магазина, так было бы дело почище и... покрепче! Не так бы легко мне теперь отказали!»¹

В специальном издании «Роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”: комментарий» его автор, С. В. Белов, указывает: «Английский магазин, торговавший в основном галантерейными изделиями из Англии, помещался в **Миллионной улице**»².

Однако Английский магазин — фирма знаменитая. В художественной литературе упоминается достаточно часто: в «Египетских ночах» А. С. Пушкина, «Женитьбе» Н. В. Гоголя и «Маскараде» М. Ю. Лермонтова, в романе И. А. Гончарова «Обломов» и других произведениях. Поэтому многие петербуржцы, отнюдь не только из числа тех, кто

специализируется на истории города, знают, что он располагался совсем в другом месте — на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы, в доме Васильчиковых.

Да и в популярном справочнике эпохи Достоевского «Петербург весь на ладони» его автор, В. Михневич, сообщает, что в Северной столице «имеется несколько известных богатейших магазинов с универсальной, можно сказать, торговлей, по части роскоши в особенности. <...> Первое место между такими магазинами занимает Английский магазин (фирма Никольс и Плинке, содержатель Кохун) на углу **Невского пр. и Б. Морской ул.**³; осно-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 277. Здесь и далее по тексту: выделения полужирным шрифтом сделаны автором настоящей статьи.

² Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. 3-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 185. В двух предшествующих изданиях, появившихся в советское время, автор, естественно, дополнительно уточнял: «ныне ул. Халтурина» (Л., 1979. С. 187; Л., 1985. С. 185).

ван в 1759 г., имеет несколько отделений со всевозможными товарами, от бриллиантов и лионских бархатов, фарфора, вин, серебра и пр. до стальных перьев и зажигательных спичек. Цены здесь несколько высоки, но зато товары безукоризненны; аккуратность и добросовестность магазина безукоризненны...»⁴.

Английский магазин находился по указанному адресу с 1786 г., когда был переведён сюда его владельцем, купцом Пикерсгилем, с Галерной, ныне Английской, набережной⁵.

В таком случае как же можно объяснить недоразумение, появившееся в книге уважаемого автора?

Справочник В. Михневича вышел в свет в 1874 г., а действие романа «Преступление и наказание» разворачивается в 1865 г. В таком случае следует обратиться к источнику, более близкому по времени к истории преступления Родиона Раскольникова... Действительно, ключ к казусной ситуации, в которой оказался С. В. Белов, содержится в «Путеводителе по С.-Петербургу», изданном А. П. Червяковым как раз в том самом 1865 г. О том же торговом за-

Дом № 16 по Невскому проспекту. Фото Карла Буллы. 1896 г.

ведении здесь можно прочесть: «Английский магазин на углу Невского пр. и **Малой Миллионной**, под фирмой Никольс-Плинки и К°. Торговля заграничными галантерейными изделиями всякого рода, золотыми и серебряными вещами, гаванскими сигарами, винами и проч. По разнообразию и качеству товаров считается первым магазином в С.-Петербурге»⁶.

Вот, оказывается, в чём дело! Ещё с середины XVIII в. начальная часть нынешней Большой Морской улицы, от арки Главного штаба до Невского проспекта, именовалась **Малой Миллионной**⁷. Так её называли для отличия от **Большой Миллионной**,

³ Современный адрес: Большая Морская ул., 7, угол Невского пр., 16. Вход в магазин находился на Большой Морской, торговые залы размещались в бельэтаже. Сегодня в этом здании располагается Сбербанк. Цит. по: www.countrysite.spb.ru/ISS/Shliss.htm#6.

⁴ Петербург весь на ладони, с планом Петербурга, его панорамой с птичьего полёта, 22 картинками и с прибавлением календаря / сост. Вл. Михневич. СПб., 1874. С. 506.

⁵ См.: Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. М., 2005. С. 50 и далее.

⁶ Путеводитель по С.-Петербургу: с прил. программ всех учебных заведений и 6 планов Петербурга / сост. и изд. А. П. Червяков. СПб., 1865. С. 211.

⁷ Более подробно об истории наименования этой улицы, которая в разные годы называлась и Большой Луговой линией, и Луговой Миллионной, и Малой Миллионной Луговой, а также носила другие названия, см.: Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 282–283.

проходившей параллельно Неве от Дворцовой площади до Царицына луга (Марсова поля) и набережной Лебяжьей канавки⁸.

В 1836 г. Малая Миллионная вошла в состав Большой Морской, и её название официально перестало существовать как самостоятельный петербургский топоним. Тем не менее в городском обиходе, как свидетельствует справочник А. П. Червякова, наименование продолжало удерживаться ещё несколько десятилетий. Вот это обстоятельство и сыграло злую шутку с современным комментатором Достоевского.

Впрочем, оказалось, что путались в Миллионных улицах и петербуржцы XIX в. В том числе сам Фёдор Михайлович! Так, в начале второй части романа «Подросток» (1875), подчёркивая, что в его жизни произошли заметные перемены, герой-повествователь Аркадий Долгорукий пишет: «Я одет франтом — это первое. Тот “добросовестный француз и со вкусом”, которого хотел когда-то отрекомендовать мне Версилов, не только сшил уж мне весь костюм,

но уж и забракован мною: мне шьют уже другие портные, повыше, первейшие, и даже я имею у них счёт. У меня бывает счёт и в одном знатном ресторане <...>. На Невском француз парикмахер со мной на короткой ноге и, когда я у него причёсываюсь, рассказывает мне анекдоты»⁹. Этот мотив развивается в романе и в дальнейшем, когда собеседник Аркадия, аферист Стебельков, обращая к нему, удивлённо замечает: «На вас платье с **Большой Миллионной**, надо денег, надо деньги...»¹⁰.

В 1870-е гг. Большой Миллионной уже давно и в помине не было на карте города, потому что с официальным исчезновением **Малой Миллионной** улицы в середине 1830-х гг. отпала необходимость и в названии **Большой**. Правда, в атласах и адресных книгах наблюдаются колебания ещё в 1840-х гг.¹¹, но с 1850-х название устанавливается окончательно — **Миллионная**¹².

Дело, однако, не только в этом. В середине — второй половине XIX в. на Миллионной (бывшей **Большой**

⁸ Таково было направление улицы до 1858 г., когда её «развернули», и с тех пор номера домов на ней идут по возрастающей от Лебяжьей канавки к Дворцовой площади.

⁹ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 13. Л., 1975. С. 163.

¹⁰ Там же. С. 190.

¹¹ См.: Нистрем К. Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей, составленный по официальным данным и сведениям: в 3 т. Т. 1. Спб., 1844. С. 33–34 (Миллионная улица); Цылов Н. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казённых и обывательских домов. Спб., 1849. Л. 13, 15, 16. С. 36, 3-я паг. (Большая Миллионная улица, Миллионная улица большая). Парадокс заключается в том, что в более раннем из этих справочников рассматриваемое название указано как «Миллионная улица», а в более позднем — «Большая Миллионная». При этом в позднем издании сохраняется разницей в его написании (с одной или двумя «л»).

¹² См., например: Путеводитель: 60 000 адресов из С.-Петербурга. Царского Села, Петергофа, Гатчина <sic!> и проч. Спб., 1854. С. 35, 2-я паг.; Цылов Н. Описание улиц С.-Петербурга и фамилии домовладельцев к 1863 году. Спб., 1862. С. 212.

Миллионной) улице не было известных портновских мастерских и крупных магазинов одежды. Большинство наиболее престижных из них располагались на Большой Морской улице, в том числе в начальной её части — бывшей **Малой** Миллионной (здесь работали и торговали такие именитые портные, как А. Мишель, Г. Корпус, Э. Ганри и др.¹³). О том, что и в романе «Подросток» речь должна идти о **Малой** Миллионной — **Большой** Морской улице, свидетельствует упоминание в черновых материалах «первейшего» петербургского портного Шармера¹⁴, мастерская которого находилась на **Большой** Морской улице, в доме Е. Штрандмана, № 5 (или в бывшей **Малой** Миллионной). Адрес портного указан всё в том же издании А. П. Червякова, в разделе «Мужское платье»: «Лучшие портные <...> Шармер на **Малой Миллионной ул., д. № 6**»¹⁵. Таким образом, герой «Подростка» Стебельков, желая по какой-то причине использовать топонимический анахронизм, должен был бы сказать: «На вас платье с **Малой** Миллионной...» Или же точнее, согласно петербургским реалиям 1870-х гг.: «На вас платье с **Большой Морской**...»

Но, может быть, путается лишь персонаж, а не сам автор? В этом можно усомниться, поскольку аналогичное «перемещение» названия

Малая и Большая Миллионные улицы на плане Петербурга 1828 г.

допущено писателем и ещё раз, но теперь уже в отношении **Большой** Миллионной улицы (или просто Миллионной во время действия романа «Подросток»).

Квартирный хозяин Аркадия Долгорукого Пётр Ипполитович — любитель рассказывать исторические анекдоты. В их числе — «преинтереснейшая история об <...> камне, близ **Павловских казарм**»¹⁶, который, будучи огромных размеров, портил городской вид и мешал проезду. По приказу императора Николая I городские власти должны были убрать этот камень, но это оказалось не просто, и англичане уже подражались

¹³ См., например: Путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям / изд. Л. Гравенхорст. Спб., 1870.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 16. Л., 1976. С. 271.

¹⁵ Путеводитель по С.-Петербургу... С. 217. О том, что Червяков тиражирует устаревшие сведения, свидетельствует указание им дома № 6: с 1858 г., когда в Петербурге поменяли нумерацию чётной и нечётной сторон улиц, это был дом № 5.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 13. С. 165.

распилить и вывезти его за пятнадцать тысяч рублей серебром. Но тут появился простой русский мещанин и предложил убрать камень всего лишь «за сто рубликов <...> завтра к вечеру»¹⁷). Что и сделал очень простым способом.

Не стану сейчас пересказывать подробности этого известного сюжета, отсылая заинтересовавшихся читателей к роману «Подросток» (или же к первоисточнику — рассказу В. И. Даля «Русская сметливость»). Обращу внимание лишь на следующее: камень, как сказано, лежал близ казарм Павловского лейб-гвардии полка, а они располагались на углу Марсова поля и **Большой** Миллионной улицы. Однако в подготовительных материалах к роману заготовлена такая реплика для отца Подростка — Версилова, участника беседы с Петром Ипполитовичем: «*Помилуй, мой друг, он заговорил об камне, да этот камень и теперь стоит, в Малой Миллионной кажется, и вовсе не зарыт в яму*»¹⁸.

Удивительная вещь! Теперь уже **Большая** Миллионная превращается у героя романа в **Малую**. Ошибка Версилова создаёт любопытную параллель с ошибкой другого персонажа этого же произведения —

Стебелькова, у которого, наоборот, историческая **Малая** Миллионная стала **Большой**.

Для того чтобы окончательно распознать природу этой путаницы, покинём вымышленный мир романов писателя и обратимся к реальности.

В записной тетради Достоевского среди прочих адресов его знакомых записан временный адрес приехавшего из Москвы Ивана Сергеевича Аксакова: «*Hôtel de France, № 63, на среднем дворе с Большой Миллионной*»¹⁹. Поскольку адрес записан в 1866 г., справимся у того же А. П. Червякова: «*Гостиницы: <...> Франция. У Полицейского моста на Мойке. Славится французским столом и хорошими винами; устройство всей гостиницы на парижский манер...*»²⁰.

Полицейский (ныне Зелёный, в советское время — Народный) мост через Мойку перекинут в створе Невского проспекта. Названная гостиница «Франция» (Hôtel de France) располагалась в доме, который одной стороной выходил на набережную Мойки, а другой — на Большую Морскую улицу (бывшую **Малую** Миллионную)²¹. Однако в записи Достоевского она вновь обращается в **Большую** Миллионную. Является ли это непреложным свидетельст-

¹⁷ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 13. С. 166.

¹⁸ Там же. С. 290.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5. С. 1 (внутренняя сторона верхней обложки). Ср. воспроизведение с неточностями: Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. Л., 1985. С. 23.

²⁰ Путеводитель по С.-Петербургу... С. 219.

²¹ Домовладельцем был камергер барон А. Б. Фитингоф, содержал гостиницу купец 2-й гильдии Луи Кроассан. Современный адрес дома: наб. р. Мойки, 51 / Большая Морская ул., 6 (левая часть). Подробнее см.: Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. М., 2005. С. 17–18.

вом того, что, подобно своим персонажам, он и сам ошибочно считал начальную часть **Большой** Морской улицы бывшей **Большой** Миллионной? И напротив, современную ему Миллионную улицу, уже давно переставшую называться **Большой**, полагал бывшей **Малой** Миллионной? Что, надо сказать, вполне естественно, если рассуждать системно...

Что же касается Английского магазина, то он упоминается в творчестве Достоевского не единожды. В романе «Идиот», например, именно здесь Парфен Рогожин за десять тысяч покупает брильянтовые подвески для Настасьи Филипповны²². В отличие от С. В. Белова, комментаторы этого произведения расположения торговой точки, кажется, не уточняли.

От редакции. Комментирование реалий в произведениях классиков русской литературы, особенно таких как романы Ф. М. Достоевского с их фантазмагорическими картинками городских пейзажей, действительно требует большого такта и совершенного ориентирования в исторических реалиях местности. Читателей, заинтересованных в продолжении данной темы, отсылаем к статье М. Д. Андриановой и Г. Г. Мартынова «"Белые ночи": по адресам повести» (Новый топонимический журнал, 2012, № 3).

²² Об этом сюжете см.: Тихомиров Б. Н. Подвески из английского магазина // С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. СПб., 2012. С. 95–100.

ВЕЛИКАЯ МОСКОВСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

(опыт топонимических преобразований
в Москве начала 1990-х гг.)

Оживившиеся в последнее время дискуссии вокруг проблем реставрации внутригородской топонимии¹ побуждают вспомнить опыт городов, которые в своё время от обсуждений перешли к делу. Вопреки расхожим представлениям о том, что в 1990-х гг. в России будто бы бушевала «эпидемия» переименований², таких городов очень немного, а их успехи, как правило, весьма скромны. Однако в число исключений попали обе столицы, и Москва в этом отношении — безусловный лидер.

Опыт Москвы не имеет аналогов в постсоветской российской истории как по числу переименованных объектов, так и по сжатости сроков, в которые эти переименования уложились. Поэтому он заслуживает внимательного изучения. При этом интересны не только несомненные достижения москвичей, но и промахи, и спорные решения. Ведь они отражают многие типичные трудности, с которыми сталкиваются исполнители столь деликатной задачи, как восстановление топонимии, и сами по себе являются любопытным свидетельством настроений той эпохи.

Между тем до сих пор этот опыт исследован весьма слабо, а с датами проведённых переименований уже возникла неразбериха. Так, согласно информационным табличкам на переименованных улицах, их нынеш-

ние названия были даны в 1994 г., однако другие источники, сетевые и печатные, относят переименования тех же улиц к более ранним годам (при этом зачастую противоречая друг другу). Причины этой путаницы понятны, далее мы их поясним. Однако прискорбно, что мало кто дал себе труд разобраться в этом, включая Я. Рачинского, чей фундаментальный «Полный словарь названий московских улиц» (2011) незаменим для изучения истории столичной топонимии во всех аспектах, за исключением именно переименований 1990-х гг., которые там сплошь и рядом датированы, увы, неверно.

В действительности почти вся московская топонимическая реставрация уложилась в 1990–1993 гг., когда прошли три мощные волны переименований, отражённые в решениях Президиума Моссовета (че-

¹ Термин «топонимическая реставрация» (по аналогии с реставрацией архитектурных ансамблей) представляется более предпочтительным, чем распространённый штамп «восстановление исторических названий», из-за неопределённости понятия «историческое».

² Некоторые топонимисты избегают пользоваться термином «переименование» применительно к случаям возвращения названий. Мы рассматриваем его как нейтральное обозначение любой смены названия, частным случаем которой является возвращение ранее существовавшего.

тырёх «списочных» — от 5 ноября 1990 г., 6 апреля и 13 апреля 1992 г. и 13 мая 1993 г. — и нескольких «точечных», касавшихся единичных объектов). Всего этими решениями были переименованы более 150 объектов уличной сети — улицы, площади, бульвары, переулки, проезды, проспекты, набережные, а также *Пионерские пруды*, которые вновь стали *Патриаршими*³. В Ленинграде — Санкт-Петербурге за постперестроечное время было переименовано примерно столько же объектов, но тут этот процесс растянулся более чем на четверть века; кроме того, почти половина петербургских переименований пришлась на пригородные местности, в Москве же их подавляющее большинство состоялось в центральной части города.

За этими решениями стояла воля комиссии Моссовета по наименованиям, заслуги которой, к сожалению, до сих пор не получили должной оценки. Тем, кто занимается реставрацией топонимии, не привыкать к обвинениям с самых разных сторон: в глазах одних они стремятся зачеркнуть великое советское прошлое, в глазах других — недостаточно активны в искоренении постылой советчины; третьи просто не понимают, зачем требуется топонимическая реставрация, и агрессивно отстаивают это непонимание.

Стандартные претензии советофилов и «топоскептиков» к столичным топонимистам с 1990-х гг. поутихли (просто потому, что к новой старой московской топонимии все уже давно привыкли), но от лиц, вроде бы сочувствующих идеалам членов комиссии, по-прежнему слышны упреки в нелогичности и непоследовательности. Тот же Я. Рачинский не находит добрых слов для характеристики деятельности комиссии, зато неоднократно пеняет ей на ошибки и недоработки. Увы, вполне типично и мнение публициста О. Кашина: «...то, что стало с картой Москвы в 1990–1993 годах, нельзя назвать ни избавлением от советского прошлого, ни восстановлением исторической справедливости. Просто процесс ради процесса, бессмысленный и беспощадный»⁴.

С такой оценкой согласиться нельзя. Разумеется, не все рекомендации комиссии исключительно безупречны. Порой её члены выбирали не лучший вариант из возможных; не всегда причины выбора оказывались понятны. Далее мы рассмотрим такие случаи. Тем не менее с учётом масштабов решаемой задачи объём погрешностей оказался весьма невелик. Да и возможно ли вообще решить такую задачу «идеально», коль скоро субъективная составляющая в ней попросту неизбежна?

³ Кроме того, в конце 1990 г. сменили названия 10 станций метро. Здесь, за исключением переименования *Проспекта Маркса* в изначальный *Охотный Ряд*, о реставрации речь не шла: основным принципом было приведение названий в соответствие с наземными топонимическими реалиями (в том числе с учётом новейшего изменения этих реалий). По тому же принципу чуть позже в Петербурге переименовали станции «*Площадь Мира*», «*Комсомольская*» и «*Красногвардейская*».

⁴ См.: www.intelros.ru/readroom/rulife/ru_100908/2787-toponimika-mertvogo-goroda.html.

Едва ли разумно сводить всё к жёсткой дихотомии: либо избавление от идеологем, либо восполнение утрат (то есть собственно реставрация). По мере возможности комиссия старалась сочетать оба этих принципа, но в приоритете оказался второй. Задача ликвидировать все советские идеологизированные топонимы не стояла, с карты устранились лишь наиболее одиозные (с точки зрения членов комиссии) имена.

Зато в части реставрации курс был взят на максимально полное восстановление ценной старомосковской топонимии⁵. Внутри Садового кольца — исторического Земляного города — этот курс провели до конца: там были восстановлены **все** топонимы, которые, по мнению комиссии, в принципе того заслуживали. С конкретным выбором «заслуживших» и «не заслуживших» можно не соглашаться, но он был не случайным, а именно осознанным. Что же до упреков в том, что комиссия вернула не все названия, которые следовало, то они и подавно несправедливы.

Завершить реставрацию московской топонимии за пределами Садо-

вого кольца не удалось по причинам, от инициаторов не зависящим. После октябрьских событий 1993 г. Моссовет был распущен, с ним прекратила существование и прежняя комиссия. Новая же, образованная уже при правительстве Москвы, реставраторским энтузиазмом не отличалась. Хуже того, первое время существовала реальная угроза, что под нажимом недовольных⁶ уже состоявшиеся переименования будут отменены и в город вернутся *проспект Маркса, улица Димитрова* и т. д. и т. п. К счастью, этого не случилось; напротив, правительство Москвы сочло нужным специальным постановлением от 25 октября 1994 г. повторно утвердить все переименования, произведённые в 1990–1993 гг.⁷ Именно отсюда и проистекает вышеупомянутая путаница с датировками.

Действительно, юридически это довольно странный шаг: прежние решения и без того абсолютно легитимны и давно вступили в силу, с таким же успехом можно было бы переутвердить названия, скажем, *Красной площади* или *Арбата*... Как бы то ни было, оказалась подтверж-

⁵ Отметим, что позиция параллельно действовавших петербургских коллег была и остаётся более жёсткой (и, на иной взгляд, более последовательной): реставрационные переименования не просто приоритетны, а единственно возможны (исключение — необходимость ликвидации одноимённости); сугубо идеологические переименования объектов, не имевших прежних названий, недопустимы. С 1989 г. было допущено не более пяти отступлений от этого принципа, и в 2015 г. его официально закрепили постановлением городской власти.

⁶ Во главе «недовольных» оказались не коммунисты, как можно было ожидать, а деятели культуры, которых задело исчезновение с карты города имён их коллег.

⁷ Корректности ради нужно отметить, что по сравнению с моссосветовскими решениями в постановление 1994 г. были внесены два содержательных уточнения: *улица Маршала Шапошникова* теперь переименовывалась не в *Колымажную улицу* (как в решении от 13 мая 1993 г.), а в *Колымажный переулок*; *Большая* и *Малая Колхозные площади* не объединялись в *Сухаревскую площадь* (как в решении от 5 ноября 1990 г.), а становились *Большой* и *Малой Сухаревскими*.

дена неприкосновенность результатов проведённой работы — и на том спасибо. Подчеркнём тем не менее, что коль скоро в 1994 г. де-факто не переименовали практически ничего, отнесение почти всех переименований к этому году следует считать некорректным.

Итак, что же конкретно было сделано? Прежде чем разбирать логику решений 1990-х гг., стоит немного углубиться в историю московской топонимики.

Начнём с констатации, для многих неочевидной: Москва — наименее пострадавший от переименований советского времени российский город (в относительном выражении, разумеется). «Столичные привилегии» распространялись и на топонимию. К примеру, в самом центре столицы было дозволено сохранять такие вопиюще «религиозные» топонимы, как *Сретенка*, *Троицкая*, *Большая Спасская улицы*, *Успенский*, *Петропавловский*, *Благовещенский*, *Богословский* (!) *переулки*, *Страстной* и *Рождественский бульвары*, *Никитские* и *Покровские Ворота*. Для сравнения, в Ленинграде из открытых агентимов советскую власть в неприкосновенности пережили только скромный *Матвеевский переулок* на

Петроградской стороне и несколько второстепенных улиц и переулков по окраинам города⁸.

И всё-таки московские потери были тяжелейшими. Ведь столица обладала одной из самых разветвлённых уличных сетей в стране, а многие её топонимы возникли раньше XVIII в. — «роскошь» для большинства даже древних российских городов. Краеведы часто злоупотребляют эпитетом «уникальный», но *Охотного Ряда*, *Коровьего Вала*, *Маросейки*, *Остоженки* в самом деле больше не было нигде. Вообще, названия, оканчивающиеся на *-ка*, ранняя легитимация разговорных форм, заслуженно воспринимаются как своего рода символ Москвы, неотъемлемая часть её колорита⁹, — но после советской топонимической прополки их осталось меньше половины.

Неудивительно, что неравнодушные москвичи давно лелеяли мечты хотя бы о частичном возвращении старых добрых названий. Однако на практике в Москве, в отличие от Ленинграда и некоторых других российских городов (например, Горького), для восстановления топонимии долгое время фактически ничего не предпринималось¹⁰. Так, многолетний

⁸ Не считая вернувшихся в 1944 и 1950 г. *Исаакиевской*, *Казанской* и *Владимирской площадей* и *Владимирского проспекта*.

⁹ Эти формы настолько прочно ассоциируются со столицей, что некоторые особо бдительные петербуржцы усматривают «руку Москвы» в распространении дериватов вроде «Петроградка» и «Гостинка».

¹⁰ Относительным исключением можно считать кампанию 1920-х гг. по упорядочению названий, массово присвоенных райсоветах на местах в первые послереволюционные годы (с обилием *Красноармейских*, *Первомайских*, *Пролетарских* и проч.). Тогда под флагом ликвидации одноимённости восстановили и некоторые отменённые было дореволюционные названия: *Большая* и *Малая Андроньевские улицы*, *Мясницкая улица*, *Серпуховская площадь* (две последние позже были вновь переименованы).

член моссосветовской комиссии Ю. Ефремов вспоминает случай, когда в одном из посёлков, присоединённых к Москве в 1960 г., обнаружилась *Метростроевская улица*. Возник удобный повод вернуть *Остоженку*, которая с 1935 г. носила такое же название, но это предложение не поддержали¹¹.

Шанс у возвратных переименований появился только в «перестроечные» 1980-х гг. Тогда члены комиссии подготовили список из 26 названий, желательных к восстановлению. Он был, разумеется, в духе времени вполне компромиссным. Скажем, имя *Театральной* предлагалось вернуть только северной половине *площади Свердлова* (где, собственно, и расположены знаменитые театры). Восстановление *Мясницкой* планировалось компенсировать переносом имени Кирова на соседний новопроложенный проспект, который неофициально именовался *Новокировским*, но официально названия пока не имел¹².

Московским властям и такой список казался тогда чересчур радикальным: путешествуя по инстанциям, он планомерно сокращался под карандашами чиновников. (Само собой, напрашивается параллель с аналогичными «приключениями» знаменитого ленинградского списка 1944 г., хотя по итогам сравнение будет далеко не в пользу Москвы.)

В результате на финишной прямой в списке остались всего три пункта: *Метростроевская* вновь становилась *Остоженкой*, *Фрунзенский Вал* — *Хамовническим*, станция метро «Лермонтовская» — «*Красными Воротами*»¹³. Они и были утверждены в 1986 г., но в конечном счёте даже этот скромный итог был воспринят обществом как символический почин отнюдь не только в узком топонимическом смысле. Топонимическая либерализация в СССР опережала и, пожалуй, предвосхищала политическую, поэтому не будет большим преувеличением назвать возвращение Остоженки одним из первых знаков потепления политического климата в стране.

Затем появился ещё ряд «точечных» решений, в основном в русле санкционированного сверху развенчания отдельных деятелей прошлого. Самое громкое из них — возвращение *Рождественки*, в 1948–1989 гг. называвшейся *улицей Жданова*. Здесь, впрочем, заслуги московских топонимистов нет — решения о повсеместной отмене названий, увековечивших публично развенчанных сталинско-брежневских соратников, принимались пока ещё на Старой площади. Определённо заслуга комиссии — возвращение в 1988 г. названия *Зубовская площадь*, которую за три года до того сделали *площадью Шолохова* (это было последнее из советских идеологиче-

¹¹ Ефремов Ю. К. Московских улиц имена. М., 1997. С. 38–39.

¹² С 1990 г. — *проспект Академика Сахарова*. Формально это было не переименование, а присвоение названия безымянному проезду.

¹³ Подробнее об этом см.: Муравьёв В. Б. Московские улицы: секреты переименований. М., 2006. С. 64–67.

ских переименований в Москве, так и не успевшее привиться).

Подлинным прорывом стало переименование летом 1990 г. **самой главной** московской улицы: ближняя к центру часть *улицы Горького* вновь стала *Тверской*¹⁴. Если оказалось возможным посягнуть на такую «священную корову» — значит, были сняты барьеры для возвращения и остальных названий. Кроме того, этим решением явственно декларировался приоритет реставрационного подхода над идеологическим: очевидно, что важнее не убрать с карты имя вполне уважаемого писателя, а вернуть Тверскую.

В полной мере этот подход проявился уже в первом относительно массовом пакете в ноябре 1990 г. (заметим, ещё советском). Восстановлены были 29 названий, в том числе *улицы Охотный Ряд* (часть *проспекта Маркса*), *Мясницкая* (*Кирова*), *Пречистенка* (*Кропоткинская*), *Никольская* (*25-го Октября*), *Варварка* (*Разина*); *Лубянская* (*Дзержинского*) и *Театральная* (*Свердлова*) площади. Представить без этих названий Москву — всё равно, что Петербург — без *Невского* и *Литейного проспектов* и *Дворцовой площади*.

Дальше — больше. В 1992 г. вернули названия большинству крупных улиц и площадей внутри Садового кольца и переименовали ряд заметных объектов за его пределами (всего 40 названий), а в 1993 г. закрыли «внутрисадовую» тему вплоть до небольших переулков (всего 78 на-

званий — это самый увесистый пакет). По упомянутым выше причинам продолжения не последовало, но и без того объём сделанного больше чем впечатляет.

Какова же была логика членов моссосветовской комиссии, вершивших эту, без преувеличения, революцию? Некоторые из их мотивов раскрыты членами комиссии Ю. Ефремовым и В. Муравьёвым в соответствующих книгах и публикациях, но о большинстве можно лишь догадываться. Постараемся тем не менее эти мотивы по возможности восстановить.

С формальной точки зрения в подавляющем большинстве случаев (88%) переименования 1990-х гг. производились как возвращения ранее существовавших названий. Среди «возвращенцев» абсолютно (более 95%) преобладают дореволюционные топонимы, вернувшиеся на место своих советских преемников. Это самая что ни на есть классическая реставрационная модель.

В нескольких случаях советские названия были заменены также советскими, но идеологически нейтральными. Как правило, это касалось переименований, произведённых в «застойные» годы в целях увековечения крупных партийных функционеров и деятелей братских стран (*улица Пельше* — часть *Мичуринского проспекта*, *улица Маршала Устинова* — *Осенний бульвар*, *улица Вальтера Ульбрихта* — *Новопесчаная*)¹⁵. В эту группу входит

¹⁴ Оставшейся части в конце того же года вернули название *1-й Тверской-Ямской*.

¹⁵ Ср. в Ленинграде (в 1990 г.): *улица Пельше* — *Сиреневый бульвар*, *улица Вилле Песци* — *Учебный переулок*.

и Манежная площадь — не естественно возникший объект, а продукт сталинской реконструкции Москвы. Обстоятельства возникновения не помешали ей получить внешнеидеологичное и обоснованное название по зданию Манежа, но к очередной «громкой» дате её наградили уродливым прозвищем *площадь 50-летия Октября*, которое толком не прижилось.

Наконец, всего два случая представляли собой корректировку названий, сложившихся до революции, в пользу ещё более старых вариантов: *Китайский проезд* стал *Китайгородским*, часть *Арбатской площади* — *площадью Арбатские Ворота*.

На практике реставрационный подход чреват объективными трудностями, наиболее очевидная из которых — какие из советских топонимов подвергать ревизии, а какие оставлять в неприкосновенности. Об этом поговорим позже. Была и другая проблема: какое именно название следует возвращать? Ведь в Москве до введения адресной системы во второй половине XIX в. многие улицы, а в особенности переулки, неоднократно меняли названия, причём нередко для одного и того же проезда бытовали одно-

временно разные наименования, пока более живучее не вытесняло менее удачливое.

Противники топонимической реставрации часто используют этот факт как демагогический аргумент в пользу сохранения советских топонимов: мол, если и раньше они менялись, то чем хуже практика большевиков? На самом деле вполне очевидно, что подобный «естественный отбор» в топонимии, обычный для старых городов, имел мало общего с «девятым валом» навязанных сверху волевых переименований хотя бы в силу своей стихийной, низкой природы. Всякое название, спонтанно сменявшееся прежде, было точно так же исторически и географически мотивировано, так же тесно связано с конкретной территорией и свободно от идеологии.

Московская комиссия приняла за общий принцип восстановление последних досоветских названий. Это логично: именно они, в конце концов, выиграли у конкурентов «борьбу за существование» и подтвердили тем самым свое право занимать место на карте города. Правда, было сделано и несколько исключений, когда объекты получили взамен советских не предыдущие, а более ранние названия:

- Советская площадь** — Тверская (в 1912–1918 гг. Скобелевская);
- улица Белинского** — Никитский переулок (с конца XVIII в. до 1920 г. Долгоруковский);
- улица Грановского** — Романов переулок (с XIX в. до 1920 г. Шереметевский);
- улица Станкевича** — Вознесенский переулок (с конца XVIII в. до 1922 г. Большой Чернышёвский);

улица Маршала Шапошникова — Колымажный переулок (с XIX в. до 1964 г. Антиповский);

Астаховский¹⁶ переулок — Певческий (с конца XVIII в. до 1929 г. Свиныйский)¹⁷;

Большой и Малый Маратовские переулки — Большой и Малый Ордынские (с конца XVIII в. до 1929 г. Большой и Малый Курбатовские);

проезд Владимирова — Никольский переулок (с конца XVIII в. до 1928 г. Юшков).

В перечисленных случаях комиссия сочла выбранные названия более ценными, чем их преемники.

Применённый метод ранжирования степеней исторической ценности напрямую нигде не излагался, но реконструировать его несложно. Очевидно, что при прочих равных условиях названия по ремесленным слободам и церквям считали более ценными, чем по домовладениям, а между первыми и вторыми приоритет отдавался слободским. Не сбрасывались со счетов и принцип благозвучия (Певческому переулку он дал дополнительный козырь против Свиныйского), и необходимость избегать дублирования (Долгоруковскому с Шереметевским, скорее всего, повредила одноимённость с улицами, расположенными в других частях города). Легко согласиться и с тем, что возвращать Советской площади просуществовавшее всего шесть лет мемориальное на-

звание было бы нелепо, тем более что и место памятника Скобелеву давно занимает памятник Юрию Долгорукому.

Наиболее спорен случай с Ордынскими переулками. Выбранное название (по соседним *Большой и Малой Ордынке*) явно уступает альтернативному, да и носил его лишь один из переулков короткое время в XIX в.. Быть может, дело в том, что Курбатовским переулком до 1965 г. называлась ещё и нынешняя *улица Климашкина*, и топонимисты предполагали восстановить это название в будущем?

Определённая степень вольности была допущена также при переименовании *набережной Максима Горького*, «слепленной» в 1936 г. из нескольких, а в протяжении предыдущих ста лет часто менявших границы и названия (*Космодамианская, Комиссариатская, Краснохолмская, Пупышевская* и др.). В отличие от

¹⁶ Хотя по форме это название напоминает «домовладельческие» топонимы, присвоено оно было в честь рабочего И. Астахова, убитого полицейским во время демонстрации в феврале 1917 г.

¹⁷ Сегодня высказываются убедительные доводы в пользу того, что этот переулок никогда не именовался Певческим; такое название носил соседний проезд, позже исчезнувший. Тем не менее мы относим это переименование к категории возвращений, так как на тот момент большинство московских краеведов вслед за В. Гиляровским, впервые выдвинувшим эту версию, считали Певческий одним из прежних названий Свиныйского.

улицы Горького или проспекта Маркса, в данном случае совокупность старых наименований не настолько ценна, чтобы вновь дробить набережную. К тому же это неизбежно вело бы к перенумерации зданий. Поэтому в 1993 г. на неё и распространили прежнее название одной из частей, которое сочли наиболее ценным, а именно *Космодамианскую*¹⁸.

С другой стороны, изредка бывало и так, что отсутствие в истории улицы приемлемых с точки зрения комиссии названий (включая и текущее советское) побуждало её изобретать наименования совершенно новые, хотя и опирающиеся на топографию или историю места. Всего таких «новоделов» с отступлениями от реставрационного принципа можно насчитать не более 20.

Некоторые из них можно принять. Так, улочка с тяжеловесным названием-штампом *Интернациональная* до переименования звалась *Таганной* или *Таганской*. Поскольку в 1922 г. всем привычной теперь *Таганской* стала в ходе устранения дубликатов бывшая *Семёновская* по другую сторону Таганской площади, вернуть историческое имя было уже невозможно. Комиссия нашла выход, присоединив улицу к *Яузской* — её продолжению на другом берегу реки Яузы.

В целом не вызывает протеста и решение по *Савельевскому переул-*

ку, увековечивавшему имя большевика Савельева. До 1922 г. название было по фамилии домовладельцев — *Савёловский*, и переименовали его исключительно по созвучию (надо полагать, что советским топонимистам порой было не чуждо остроумие¹⁹). Возвращать это название не стали из-за возможной путаницы с не имеющим к нему отношения Савёловским вокзалом, а переулок сделали *Пожарским*, поскольку в этих местах в 1612 г. находился штаб князя Дмитрия Пожарского²⁰. Отметим традиционность выбранной формы: именно Пожарский переулок, а не *переулок Пожарского* (или, того хуже, *Князя Пожарского*).

Далеко не все москвичи знали, что площадь у Павелецкого вокзала официально называлась *Ленинской* (потому что именно сюда в 1924 г. прибыл гроб с телом Ленина из Горок — оцените мотивировку!). До мемориального «перекрещивания» она была *Саратовской*, по прежнему имени вокзала. Возвращать это название теперь было не с руки, тем более что *Саратовская улица* успела появиться в другом районе. Площадь логично стала *Павелецкой*, заодно поглотив *Ленинский проезд*, фактически входящий в неё.

В пакете принятых решений имеется уникальный в пределах Садового кольца случай переименования улицы, не имевшей ранее другого

названия — *проспекта Калинина* (точнее, его новой части, пробитой в 1960-х гг.; старой, естественно, вернули название *Воздвиженка*). Несмотря на предложение присвоить магистрали имя кого-нибудь из «актуальных» героев, комиссия не стала оригинальничать и использовала проектное наименование проспекта — *Новый Арбат*. Официально проспект его никогда не носил, но через прессу оно приобрело широкую известность и постоянно употреблялось в быту. Более того, оно даже умудрилось повлиять на пощажённое советской властью название Арбата, который тогда же, с 1960-х гг., стихийно стали называть *Старым Арбатом* — именно для отличия от формально не существовавшего Нового.

В других случаях новоизмышленные комиссией варианты оказывались малоинтересны либо прямо неудачны, а мотивы их измышления — спорны либо туманны. Некоторые из этих неудач по-своему любопытны, так как иллюстрируют типичные изъяны топонимической логики, до сих пор, увы, присущие как рядовым обывателям, так и лицам, ответственным за принятие решений.

Так, *переулку Островского* не решились возвращать непрезентабельное название *Мёртвый* (от фамилии домовладельца), но не придумали ничего лучше, чем наименовать его *Пречистенским*, по соседней улице. Назвать такой выбор оправданным никак нельзя: все переулки, примы-

кающие к Пречистенке, традиционно именуются Пречистенскими, и этот конкретный эксклюзивного права на такое имя не заслужил.

По тем же соображениям благозвучия (в данном случае понятного весьма вольно) *Тулинская улица* (названная по не самому известному из псевдонимов В. Ульянова — опять подвигамся креативности советских преобразователей топонимии!) не смогла вновь стать *Вороньей*. Жаль, это было уникальное и довольно старое (с XVIII в.) название, данное по слободе Андроникова монастыря. Не менее досадно и то, что стала она пафосной *улицей Сергия Радонежского*. Название не совсем случайно, неподалёку сохранилась церковь Св. Сергия, но утверждение имени этого выдающегося деятеля, не жалуемого советской властью, в форме, типичной для советских мемориальных топонимов, производит комический эффект²¹.

По названию окрестной местности получил новое наименование *Землянский переулок*, несмотря на то, что с XVIII в. до 1950 г. он именовался *Чичеринским* и никак иначе, а затем стал *Ульяновским*. Игнорирование исторического топонима Ю. Ефремов объясняет желанием предотвратить путаницу с *улицей Чичерина*, расположенной в Бабушкине. На самом деле здесь, в отличие от случая с Савёловским переулком, перестраховка едва ли оправдана: слишком различны статус этих проездов и формы названий, чтобы их можно было путать всерьёз.

¹⁸ Точно так же в 1993 г. в Петергофе не стали делить *улицу Володарского* на *Кривую* и *Константиновскую*, а распространили на весь проезд второе название.

¹⁹ Ср. в Териоках (Зеленогорске) под Ленинградом: в ходе ликвидации финских топонимов в 1940 г. *Куллервонкату* (в честь героя эпоса «Калевала») стала *Кавалерийской*.

²⁰ Памяти о товарище Савельеве городская топонимия не лишилась: улица, названная в честь него же в 1928 г. «с нуля», благополучно сохраняется в Хамовниках.

²¹ Впрочем, с тех пор подобные «новомодные монстры» неумолимо плодятся по всей стране: *переулок Святителя Иннокентия* в Благовещенске, *улица Князя Григория Засекина* в Самаре, *улица Иоанна Кронштадтского* в селе Колтуши под Петербургом...

Следующий пример связан с улицей имени старого большевика *Стопани*. В разное время она называлась *Фокиным*, *Чудовским*, *Барышниковым* и *Климентьевским переулком*, но ни одно из этих названий комиссию не устроило. Взамен изобрели новый топоним: *переулок Огородная Слобода*. Действительно, в XVII в. такая слобода там была, но сам-то переулок никогда её названия не носил! Более того, подобная форма в названиях проездов — «слобода» в именительном падеже — вообще не характерна для московской топонимии (единственное полуисключение — *переулок Добрая Слобода*, с 1922 г. *Машкова улица*²².) Такие переименования можно назвать «псевдореставрационными».

В похожий переплёт угодил *переулок Воеводина*. В 1922–1965 гг. он назывался *Рециковым переулком* — этот домовладельческий топоним начала XIX в. был восстановлен взамен последнего дореволюционного названия *Большой Толстовский* (причиной стал, видимо, риск смешения с появившейся чуть ранее улицей *Льва Толстого*). Комиссия и здесь предпочла отвергнуть все существовавшие ранее названия ради новообразования *переулок Каменная Слобода*.

Был и совсем анекдотичный случай. *Переулку Елизаровой* прежнее название по церкви апостола Иакова Зеведеева вроде бы как верну-

ли, но не в исторической форме *Яковлевский*, а в виде несуразной конструкции *Яковоапостольский*, противоречащей традициям русской топонимики. Объяснение, приведённое Ю. Ефремовым, удивительно: «Когда же в 1993 году решено было расстаться с ненужным тут именем *Елизаровой*, встал вопрос, не будет ли прежнее имя *Яковлевский* напоминать о малосимпатичной роли некоторых *Яковлевых* в истории страны»²³.

Кто именно в данном случае подразумевался, понять затруднительно: то ли заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, то ли нарком земледелия в 1926–1934 гг. Я. А. Яковлев, а может быть, и ещё кто-то. Кстати, имя последнего в период «поздней перестройки» активно муссировалось во фрондирующей прессе, возлагавшей на него ответственность за голод 1932–1933 гг. (задевать более высокопоставленных виновников ещё не дозволялось). Если переулку и в самом деле не удалось вернуть историческое название по такой причине, это незаслуженная честь для мелкой советской сошки. К счастью, данный пример — единственный случай применения столь своеобразной логики.

Немногим больше примеров принесения исторических топонимов в жертву новейшей конъюнктуре. Так, *площадь Коммуны* могла бы стать *Екатерининской*, какой и была до

1919 г. (по *Екатерининскому институту благородных девиц*), но с 1982 г. на ней стоял памятник генералиссимусу Суворову, которого как раз «обидели», вернув бульвару его имени название *Никитского*. В качестве «компенсации» площадь сделали *Суворовской* (вновь отметим форму топонима: не *площадью Суворова!*).

К слову, о топонимической компенсации: целый ряд персональных топонимов, покинувших центр города в 1990-х гг., позже возродились (иногда с другой статусной частью) в новых жилых районах. Например, в 2005 г. в *Косино-Ухтомском* появились *улицы Дмитриевского, Медведева, Наташи Качуевской и Татьяны Макаровой*; в 2006 г. на *Ходынке* — *улица Осипенко*; в 2016 г. в бывшей промзоне *ЗИЛа* — *улица Щусева* и *бульвар Весниных*. Временной лаг изначально запланирован не был, но пришёлся весьма кстати: за 10 с лишним лет места прежней «дислокации» этих топонимов в массовом сознании успели прочно позабыться, иначе возникла бы путаница.

Конъюнктурно оказалась переименована *площадь Ногина* (бывшая *Варварская*), став *Славянской* по случаю установки на ней памятника *Св. Кириллу и Мефодию*. Иных оснований для такого наречения не имелось. Правда, её части, примыкающей к *Варварке*, спохватившись, вернули историческое название в форме *площадь Варварские Ворота*, но где проходит граница между двумя разноимёнными частями, понять сложно, площадь довольно компактна.

Сложно усмотреть целесообразность и в переименовании *Китайского проезда* — топонима, сложившегося в этой форме ещё в XIX в., — в *Китайгородский*. Неужели всерьёз опасались, что москвичи и гости столицы внезапно начнут связывать этот топоним с КНР?..

Пожалуй, это и все решения, которые можно расценить как неудачные. Не более 6% от общего числа, что совершенно не тянет на основание для уличения комиссии в некомпетентности.

За пределами исторического центра реставрационный подход чаще уступал место идеологическому. Порой это приводило к возвращению не самых ценных топонимов либо к изобретению новых имён для улиц, у которых не было более старых названий, или же те названия были по каким-то причинам отвергнуты. Тем не менее откровенно провальными решениями и здесь не просматриваются.

Чаще всего улицы с именами, ставшими «неприемлемыми», попросту присоединяли к соседним. При этом необходимо отличать новые присоединения от восстановления положения, существовавшего до советских переименований. Комиссия Моссовета в советские годы нашла способ обходиться «малой кровью» при выполнении очередного постановления об увековечении имьярека, отправляя на переименование не всю улицу, а её часть. Таким образом *улицу Сулова* выделили из *Аминьевского шоссе, проспект Маршала Гречко* — из *Можайского, улицу Пельше* — из *Мичуринского проспекта*. В 1990-х гг. эти части

²² Причиной переименования было созвучие с *Доброслободской улицей* в другом районе. Позже под влиянием модели «улица + фамилия в родительном падеже», привычной для советской топонимики, это название переосмыслили как *улица Машкова*. Петербуржцам это явление хорошо знакомо по казусу *Подрезова* — *Подковырова*.

²³ Ефремов Ю. К. Указ. соч. С. 94.

вернули в состав целого; правда, проспект Гречко присоединили не к Можайке, а к продолжающему шоссе с другого конца *Кутузовскому проспекту* (который и сам некогда от него отделился). Но, скажем, *улица Красикова* до 1963 г. называлась *7-й Черёмушкинской* — все прочие номерные Черёмушкинские тоже переименовали, возвращать только одну из них было бы нелогично. Поэтому её сделали частью *Нахимовского проспекта*. А *улица Подбельского* никаких старых названий не имела, и присоединять её было некуда. Её бессмысленно назвали *Ивантеевской* — подмосковный город Ивантеевка расположен по другую сторону кольцевой автодороги²⁴.

Улицу имени чехословацкого диктатора *Готвальда*, составленную в 1966 г. из *3-го Тверского-Ямского переулка* и *3-й Миусской улицы*, отдельным внесписочным решением переименовали в *улицу Чайнова* (одна из работ знаменитого экономиста была посвящена истории соседней Миусской площади). Полезно, кстати, обратить внимание, сколь нечасто комиссия прибегала к переименованиям по модели «заменить одну персоналию на другую» — кроме улицы Чайнова, к таковому можно отнести разве что упомянутые *улицу Сергия Радонежского* и *Пожарский переулок*²⁵.

Район Песчаных улиц с 1960-х гг. служил «полигоном» для увековече-

ния политиков дружественных зарубежным стран: однотипными «кустовыми» названиями ради очередного почившего товарища жертвовать было не жаль. В 1990 г. вернули названия *Новопесчаной (улица Вальтера Ульбрихта)* и *2-й Песчаной (улица Георгиу-Дежа)*, но бывшая *1-я Песчаная* так и осталась под именем *Луиджи Лонго*, а *7-я Песчаная* — *Сальвадора Альенде*. В этом случае то ли решили, что *1-я Песчаная* будет путаться с просто *Песчаной*, а восстанавливать *7-ю* нелогично при отсутствии упразднённых *4-й, 5-й и 6-й*, то ли сочли второстепенного деятеля итальянской компартии и погибшего чилийского президента более достойными фигурами, нежели коммунистические вожди ГДР и Румынии. К слову, в 2017 г. местный «пантеон» пополнился ещё и *площадью Фиделя Кастро*; хорошо хоть, для него подыскивали безымянный перекрёсток, и ни одно из имеющихся названий не пострадало.

Вообще, выбор комиссией кандидатов «на разыменование» (в тех случаях, когда речь не шла о реставрации) представляется очевидным далеко не всегда. По какой причине, например, «под нож» пошли *Красиков* и *Подбельский*, а не *Менжинский*, *Дыбенко*, *Войков* или совсем уж одиозный *Атарбеков*? Вряд ли в комиссии не знали их биографий; тут можно только гадать. Очевидно, многое просто не успели: ряд

²⁴ При этом рядом сохранились шесть номерных проездов *Подбельского* и, что наиболее курьёзно, станция метро «*Улица Подбельского*». Её переименовали только в 2014 г., то есть спустя 22 года после улицы, и не в «*Ивантеевскую*», что выглядело бы логично, а в «*Бульвар Рокоссовского*», хотя он расположен довольно далеко от выходов из метро.

²⁵ Особый случай — реставрационное возвращение *Каляевской улице* названия *Долгоруковская* (в честь московского генерал-губернатора).

советских реликтов за пределами Садового кольца остался нетронутым лишь потому, что до них «руки не дошли».

Другое дело — названия внутри Садового кольца. Там если что-то оставили, то именно **сохранили**, а не «задвинули на потом». В основном аргументами в пользу сохранения служили всё те же традиционные критерии: недостаточная ценность или неблагозвучие предыдущих названий, риски дублирования. Лишь в редких случаях можно предполагать иные резоны, в том числе идеологические.

Прежде всего, даже у отъявленных антисоветчиков не вызывает возражений сохранение на карте большинства топонимов, утверждённых в рамках кампании 1922 г. по устранению топонимических дубликатов. Её проведение тогда на удивление мудро доверили компетентным учёным — историкам Москвы. Придуманные ими названия, за некоторыми исключениями, оказались настолько исторически обоснованными, органично звучащими и идеологически нейтральными, что в массе своей и по сей день не воспринимаются как советские нововведения: *Пушечная улица*, *Барыковский*, *Вспольный*, *Лучников*, *Никитников*, *Плотников*, *Подсосенский*, *Потаповский*, *Сверчков*, *Старопанский*, *Старосадский*, *Чертольский* переулки и десятки других.

Правда, со столь же внеидеологичной *Татарской улицей* комиссия явно недоработала. Исторически в Замоскворечье были *Большая* и *Малая Татарские улицы* — главные проезды бывшей Татарской слобо-

ды. После того как в 1947 г. *Большая Татарская* получила имя революционерки *Землячки*, оставшуюся «непарной» *Малую*, проявив редкую щепетильность, переименовали просто в *Татарскую*. В 1992 г. *Большой* название вернули, а *Малой* — почему-то нет. Теперь в городе соседствуют *Большая Татарская* и *Татарская* улицы, что не может не вызывать путаницы (ещё относительно приемлемым было бы существование *Татарской* и *Малой Татарской*).

Наверное, самое известное из сохранных советских персональных наименований — *Пушкинская площадь* (до 1931 г. *Страстная*). Видимо, в сознании москвичей это имя слишком крепко «приросло» к площади с памятником поэту, да и память об уничтоженном *Страстном монастыре* сохраняется в названии бульвара. *Пушкинской* же *улице*, которую переименовали для галочки под юбилейные торжества 1937 г., название вернули — сейчас это вновь *Большая Дмитровка*.

Не стали трогать и *Гоголевский бульвар* (бывший *Пречистенский*) — возможно, не сумели подыскать Гоголю достойной «компенсации», в отличие от Суворова.

Ряд колоритных старомосковских названий не вернулись из-за недостаточного благозвучия: *Верхняя* и *Нижняя Болвановки* (ныне *Верхняя* и *Нижняя Радищевские*), *Большой* и *Малый Спасоболвановские* переулки (*1-й* и *2-й Новокузнецкие*), *Дурновский* переулок (*Композиторская улица*), *Лобковский* переулок (*улица Макаренко*). В то же время в аналогичных случаях с переулком

Островского и Тулинской улицей, как мы видели, были придуманы совершенно новые топонимы. Так что же, решили, что имена Радищева и Макаренко более достойны увековечения? При этом рядом с улицей Макаренко остались *улицы Чаплыгина* и *Жуковского*²⁶ (раньше, соответственно, *Машков* и *Мыльников переулки*). По-видимому, безупречная репутация увековеченных перевесила в глазах комиссии заурядную домовладельческую природу прежних топонимов. Отказ же вернуть *улице Забелина* название *Большой Ивановский переулок* вызывает подозрения в «корпоративной ангажированности» членов комиссии: Забелин был их коллегой, историком-московедом.

Остался нетронутым и ряд «персональных» переулков между Пречистенкой и Остоженкой — *Померанцев* (бывший *Троицкий*), *Кропоткинский* (*Штатный*), *Сеченовский* (*Полуэктов*). Им, очевидно, среди прочего зачлась грамматическая форма притяжательных прилагательных, напоминающая о традиционных названиях по домовладельцам и жильцам (тем более что Пётр Кропоткин и Иван Сеченов на самом деле там жили). Неподалёку сохранили также *Курсовой переулок* — по бесплатным образовательным курсам для рабочих, которые там находились с 1908 по 1919 г. Его прежнее название, *Нижний Лесной*, перекликалось с *Лесной улицей* у Тверской Заставы, да и советский топоним вполне оригинален и исторически оправдан. Пречистенские курсы

многое значили в культурно-образовательной жизни Москвы.

Избежал реставрации и *переулок Обуха* (в честь врача-большевика). С 1922 по 1954 г. он назывался *Кривогрузинским*, ранее — просто *Грузинским*, но другой *Грузинский переулок* есть в районе *Большой и Малой Грузинских улиц*. Занятно, что переулок в своё время переименовали не ради увековечения товарища Обуха, а «за компанию» к соседней *улице Обуха*, получившей это имя в 1935 г. Однако этой улице в 1992 г. вернули название *Воронцово Поле*, и переулок, для которого лучшего имени подобрать не сумели, остался «крайним».

Вероятно, из-за одноимённости с *Всехсвятским проездом* на другом берегу Москвы-реки *Всехсвятская улица* осталась под именем *Серафимовича*. Могло также сыграть роль и то обстоятельство, что современная улица (по сути, проезд вдоль знаменитого Дома на Набережной) по ширине и трассировке не вполне совпадает с прежней, следовательно, восстановление названия выглядело бы натяжкой.

Редкий для советской практики случай увековечения купца-мецената — *улица Бахрушина* до переименования в 1959 г. называлась *Лужниковской* (по замоскворецкому урочищу Лужники). После строительства огромного спортивного комплекса его затмил одноимённый район в другом месте, и возвращать название «не по тем» Лужникам было бы уже чревато дезориентацией москвичей и гостей города.

Не стали изобретать новодела для *площади Воровского*, возникшей в 1925 г.: из всех многочисленных пустырей, появившихся после сноса церкви, только этот был удостоен статуса площади и собственного названия. Теоретически площадь могла бы стать *Введенской* в память об уничтоженном храме, но так же называлась ранее *площадь Журавлёва* в районе Электrozавода. Впрочем, ей название тоже не вернули.

Самый значимый из ярко выраженных идеологических топонимов, поощрённых комиссией, — это, безусловно, *площадь Революции* в самом центре города. До 1918 г. она именовалась *Воскресенской*, по Воскресенским воротам Китай-города. Это название ни с чем не совпадало и обладало немалой исторической ценностью. По какой же причине его не возвратили?

Отчасти сыграли роль соображения, близкие тем, по которым в 2017 г. Петербургская топонимическая комиссия решила сохранить название *площади Восстания*. Ведь вслед за переименованием площади встал бы вопрос и о новом названии для одноимённой станции метро: «*Воскресенская*»? «*Никольская*»? Что бы ни было, оно бы неизбежно вошло в диссонанс со знаменитым художественным оформлением из 76 социалистических статуй перронного зала. Облик прочих переименованных московских станций, за исключением разве что «*Царицына*» (бывшее «*Ленино*»), более нейтрален.

С другой стороны, возможно, сказалось стремление сохранить сим-

волическую память о советском прошлом и советской топонимической практике, тем более что площадь Революции — одно из самых первых переименований в после-революционной Москве. Пожалуй, в этом есть некая справедливость: ценная досоветская топонимия внутри Земляного города восстановлена на 90%, но одна из центральных площадей так и осталась со знакомым советским именем.

Масштабности московских топонимических преобразований начала 1990-х гг. способствовал также правовой вакуум переходного периода: советские инструменты согласований уже приказали долго жить, а новые бюрократические процедуры ещё не успели оформиться. Некоторое время топонимическая практика Москвы не регулировалась ничем, кроме здравого смысла членов комиссии²⁷. Лишь в октябре 1997 г. был принят закон «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы». Для изменения названия объекта уличной сети он установил только три основания: восстановление исторически ценного названия; изменение статуса проезда; устранение одноимённости. Кроме того, закон ввёл запрет на увековечение персоналий до истечения 10 лет с момента их смерти. Таким образом, вопреки идеологии старой комиссии конъюнктурные переименования оказались под запретом, но подерживалась её реставрационная политика. Это давало надежду на

²⁶ В честь авиаконструктора Н. Е. Жуковского.

²⁷ В Петербурге такое положение вещей сохранялось до 2015 г.

продолжение прежнего курса, пусть и в смягчённой форме.

В реальности, увы, всё получилось наоборот: реставрационная деятельность фактически свернулась, а мемориальные переименования отнюдь не прекратились. После 1993 г. в Москве (с учётом территорий, присоединённых в 2011 г.) было переименовано около полутра десятка объектов уличной сети, и лишь одно изменение полностью укладывалось в реставрационную концепцию: в 2005 г. *улица Войтовича* стала *Старообрядческой* — запоздалое эхо начала 1990-х гг.²⁸

Ещё одно переименование можно отнести к псевдореставрационным: в 2007 г. советское клише *4-й Красногвардейский проезд* заменили на *Тестовскую улицу* — по исторической местности.

Остальные столичные переименования, как правило, проходили под флагом ликвидации одноимённости. Так, *Тверскую* улицу в посёлке Мещёрский сделали *Палисадной*, изменили названия ряда улиц в населённых пунктах «Новой Москвы». Либо переименования ставили целью увековечить имена тех или иных лиц (например, *2-ю улицу Усевича*

переименовали в *улицу Авиаконструктора Яковлева*), а к реставрации даже отдалённого отношения не имели.

К сожалению, свежепринятый закон то и дело нарушался. В 2005 г. *Малую Коммунистическую улицу* (до 1919 г. — *Малая Алексеевская*) переименовали в *улицу Станиславского*, несмотря на то, что ни одно из установленных оснований для переименования не выполнялось²⁹. Возникшая спустя три года идея присвоить соседней *Большой Коммунистической* (до 1919 г. — *Большая Алексеевская*³⁰) имя только что скончавшегося Александра Солженицына нарушала уже два положения закона: о критериях переименования и о сроке давности для персональных наименований. Тогда закон оперативно подправили, дополнив пунктом, согласно которому по рекомендации Президента или мэра можно наименовывать улицы и в обход установленного порядка (иными словами, «если нельзя, но очень хочется, то можно»).

Последним из нашумевших московских переименований стало образование в 2015 г. *улицы Высоцкого*. Её составили из *Верхнего* и *Нижне-*

²⁸ Интересно, что практически одновременно, в 2006 г., название *Старообрядческая* было возвращено части *Ташкентской улицы* в Петербурге.

²⁹ Формальный повод, правда, не был «высосан из пальца»: на этой улице предки Станиславского — купцы Алексеевы — держали фабрику, и сам он родился неподалёку. Как курьёз можно отметить, что дореволюционное название улицы перекликается с настоящей фамилией режиссёра, хотя в действительности происходит от расположенной там церкви. Переименование стало «компенсационным»: с 1938 по 1993 г. имя Станиславского носил *Леонтьевский переулок*.

³⁰ В начале 1990-х гг. *Коммунистические улицы* избежали реставрационного переименования в *Алексеевские*. Скорее всего, это произошло потому, что их прежние названия могли создать путаницу с районом бывшего села Алексеевского у одноимённой станции метро (до 1990 г. «*Щербаковской*»).

го Таганских тупиков. Кстати, законодательным критериям это вполне отвечало, ибо одно из легитимных оснований для переименования объекта — изменение его статуса и / или функционального назначения³¹. В данном случае два бывших тупика срослись в единый сквозной проезд.

С тех пор заметных переименований в Москве не случалось. Комиссия сосредоточилась на присвоении названий новым проездам, и здесь был принят ряд спорных и даже скандальных решений, но эта тема уже за рамками настоящей статьи.

Безусловно, жаль, что великая московская топонимическая реставрация осталась незавершённой. Но, справедливости ради, завершить оставалось не так уж много — это если придерживаться именно реставрационного, а не идеологического подхода. Сейчас в Москве едва ли более полусотни названий, однозначно заслуживающих восстановления. Среди наиболее значимых — *Ирининская* (ныне *улица Фридриха Энгельса*), *Немецкая* (*Бауманская*), *Пименовская* (*Краснопролетарская*), *Краснохолмская* (*Народная*), *Хамовническая набережная* (*Фрунзенская*), *улица Симоновская Слобода* (*Ленинская Слобода*), *Покровские Вал* и *Застава* (*Абельмановские улицы* и *Застава*) и некоторые другие. Время от времени звучат предложения вернуть *шоссе Энтузиастов* название *Владимирского*, да и *Петербургское шоссе* анахронично остаётся *Ленинград-*

ским. Может, очередь когда-нибудь дойдёт и до них, хотя современная социально-политическая ситуация, прямо скажем, не очень-то этому способствует.

Важнее не то, чего не успели, а то, что удалось сделать — **очень много** даже по сравнению с Петербургом, не говоря о прочих крупных российских городах, уличная сеть которых до сих пор почти не выдаёт наличия у них досоветского прошлого. Карту же Москвы благодаря подвижничеству мосссоветовской комиссии вновь стало возможно читать именно как свидетельство живой истории города с напластованиями всех времён, а не как реестр канонизированных героев и идеологом одной лишь короткой эпохи. На место штампов вернулись естественные, колоритные названия, выросшие из городской среды, хранящие память о пёстрой московской жизни многих столетий.

Молодые москвичи, для которых эти названия уже такие же родные, как и для их прадедов, вероятно, и не подозревают, насколько в более здоровом топонимическом климате по сравнению со своими отцами и дедами, да и с соотечественниками из других городов, они живут.

Радикальные решения Моссовета начала 1990-х гг. не только вернули на карту города имена важнейших улиц и площадей, оставивших след в истории и литературе, — *Тверской*, *Моховой*, *Никольской*, *Сухаревской*, *Театральной*. Они восстановили исторически сложившуюся сеть

³¹ В петербургских правилах именно такой лазейки нет. В то же время переименование допускается в том числе в случаях «объединения или разделения нескольких объектов», что формально соответствует московскому случаю.

названий малых улочек и переулков, не столь знаменитых, но вносящих свой вклад в неповторимый топонимический облик Москвы.

Здесь уместно вспомнить приведённую петербургским топонимистом Андреем Рыжковым аналогию с градостроительством, в котором принято различать «точечные» памятники архитектуры, обладающие признанной художественной ценностью, и так называемую рядовую застройку, которая сама по себе не имеет больших архитектурных достоинств, но как раз и формирует привычный облик города. Её уничтожение нивелирует эффект, производимый архитектурными шедеврами, для которых она служит естественным фоном. Так и в топонимике: *улица Воздвиженка* в окружении *улиц Грановского, Семашко, Маркса и Энгельса* и прочих фигурантов спущенного сверху мартиролога воспринимается почти так же противоестественно, как отреставрированные палаты XVII в. среди типовых многоэтажных коробок.

Попутно московская кампания 1990-х гг. развенчала два популярных поныне околотопонимических мифа — о жуткой неразберихе, чуть ли не коллапсе, которым якобы чреват масштабные переименования, и об их безумной дороговизне. В дей-

ствительности всё прошло весьма гладко, даже несмотря на явный недостаток информационного освещения. Поначалу кто-то, конечно, путался, но на удивление скоро к новым-старым названиям привыкли, и уже в начале 2000-х гг. далеко не всякий москвич мог с ходу сказать, как пройти на *улицу Чернышевского* или где находится *проезд Сапунова*.

Относительно же затрат следует сказать, что, как ни парадоксально, сам беспрецедентный размах переименований 1992–1993 гг. был вызван стремлением городских властей к экономии (в те годы Москва ещё не могла позволить себе роскошь «не считать деньги»). Как раз тогда власти запланировали переход на новый формат табличек с названиями улиц, и нормальная управленческая логика побудила их обратиться в комиссию с просьбой раз и навсегда разобраться с топонимией хотя бы внутри Садового кольца. В итоге столица не потратила на замену уличных указателей в связи с собственными переименованиями ни копейки!

Резюмируя, сформулируем основные принципы, которых, пусть и не без единичных отступлений, придерживалась комиссия Моссовета по наименованиям в 1990-х гг. и которые сохраняют актуальность для современных топонимистов.

1. ПРИНЦИП ПРИОРИТЕТА РЕСТАВРАЦИИ

Приоритет отдаётся возвратным переименованиям, в результате которых восстанавливаются ранее существовавшие ценные топонимы. Идеологический подход при этом не табуирован, но допускается лишь в отдельных исключительных случаях. Хотя даже и в этих случаях при придумывании новых названий максимально используется географический и исторический контекст.

2. ПРИНЦИП СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ТОПОНИМОВ

При выборе кандидатов на возвращение варианты «взвешиваются» на предмет сравнительной ценности. При этом учитываются такие факторы, как происхождение, длительность бытования, благозвучие, сходство с другими топонимами и проч.

3. ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ТОПОНИМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Наряду с топонимическими «доминантами» по возможности восстанавливаются и названия второго ряда, формирующие комплексную топонимическую картину в исторических районах.

4. ПРИНЦИП УДОБСТВА УПОТРЕБЛЕНИЯ

Новые названия присваиваются в традиционной для русского языка удобопроизносимой форме. Приветствуются топонимы в форме прилагательных, а при присвоении названий в форме существительных в родительном или именительном падеже не допускаются (за отдельными оправданными исключениями) громоздкие конструкции с избыточными словами вроде имён и званий.

5. ПРИНЦИП КОМПЕНСАЦИИ

Утраченные в результате реставрации мемориальные названия могут быть присвоены новым улицам в других районах, но с достаточным временным лагом, чтобы не возникло путаницы.

К сожалению, нынешняя Городская межведомственная комиссия по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы (таково её полное

название) во многом от этих принципов отошла. Хочется верить, что рано или поздно столичные топонимисты обратятся к собственным традициям, завершив дело своих предшественников.

Д. В. Петров, вице-президент фонда «Возвращение», к. ю. н.

НАЗВАНИЯ КАК ОРУДИЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

(новые архивные примеры Ленинграда и области)

К 100-летию начала уничтожения исторических имён России

I. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья вряд ли откроет что-то радикально новое для специалистов, знакомых с советской политикой в области топонимов и других названий. Тем не менее этот материал может быть полезен для тех, кто делает первые шаги в области изучения механизмов воздействия советской власти на сознание своих подданных, а также для тех, кто впервые пытается понять, чем руководствовался коммунистический режим при массовых переименованиях. Последние, как известно, — одна из характерных черт семи советских десятилетий.

Также задача этого исследования — ввести в оборот новые архивные иллюстрации к давно известным для специалистов в области советской топонимии истинам. На примере этих недавно обнаруженных в архивах документов 1930–1970-х гг., касающихся Ленинграда и области¹, можно ещё раз убедиться, насколько топонимия, филология и культура в целом стали в советский период послушными служанками

воцарившегося в стране политического режима.

Предлагаемые вниманию читателя новые архивные материалы смогут помочь осмыслить логику и механизмы ломки наименований как части отечественной культуры в советские годы. В качестве примеров будут использованы названия не только мест, но и иных объектов.

II. «ПОЛИТИКА, ОПРОКИНУТАЯ В ГЕОГРАФИЮ»²

Первые попытки открыто осмыслить роль, которую играла топонимика в советской стране, были приняты на излёте советской власти, в 1989 г. Это произошло на Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия — памятники культуры», организованной под патронажем академика Д. С. Лихачёва. Во вводной статье к сборнику материалов этой конференции академик Лихачёв, возможно, впервые публично в СССР заявил, что *«репертуар современных названий, сформировавшихся в период с 20-х по 80-е гг. нашего столетия <...>*,

¹ При чтении статьи следует помнить, что границы Ленинградской области до 1944 г. были значительно шире. Она включала в себя в том числе и нынешние Псковскую, Новгородскую, частично Мурманскую, Вологодскую области и Республику Карелия.

² Такое определение советской топонимии дано русским эмигрантом Александром Николаевичем Артёмовым (Зайцевым).

перенасыщен именами-анахронизмами, отражающими атрибутику времён культа и застоя. Ситуация в этой сфере представляет безрадостную однообразную картину. Значительный культурный слой названий, входящих в культурно-историческую среду, был разрушен. Замена исторических географических названий «именами-новоделами» привела к изъятию из обращения и той комплексной культурно-исторической информации, которую несёт в себе имя». Приблизившийся в 1989 г. крах коммунистического режима сделал его настолько слабым, что в той же статье автор уже мог без последствий для себя, родных, близких и своей дальнейшей деятельности прямо оценить советские названия городов, такие как *Брежнев, Устинов и Андропов*, как *«названия-фантомы, порождённые последним всплеском культовой идеологии»*. Волны советских переименований квалифицированы академиком как *«культовый сель»*, то есть бедствие. Читателей призвали поддержать *«очистительную работу»*³ по возвращению исторических названий.

Указанную статью академика Лихачёва можно считать программой начавшегося в те годы и почти затихшего в масштабах России к нынешнему дню очищения от последствий советского уничтожения исторических имён. Чтобы дать оценку обоснованности процесса возвращения исторических названий и правомерности приведённой учёным ха-

рактеристики советской топонимии, следует вспомнить, что вопросы присвоения названий квалифицировались советским режимом как политические. Топонимика относилась не к области вкуса, моды или культурной политики, но к важнейшей для советской власти сфере идеологии и пропаганды. Через массовые переименования и через присвоение новых названий решались идеологические и, более того, пропагандистские задачи. Названия должны были не столько информировать об особенностях и истории места или ориентировать в пространстве, сколько формировать мнение граждан о советской власти, доказывать её преимущества. Советские названия должны были возвышать тех, кого на данный момент партия рассматривает как героев. Они должны были внедрять в сознание и подсознание советских подданных понятия, обосновывавшие существование советской власти и её политику. Их задача состояла в том, чтобы стереть память о стране, существовавшей на той же территории до 1917 г., и создать сказочный образ-пряник «советского рая» после этой даты.

Итак, названия в СССР были не в меньшей мере, чем пресса, инструментом пропаганды, и их можно рассматривать как отражение идеологической политики властей в соответствующий период. В зависимости от того, что стремилась советская власть внедрить в сознание подданных, мы увидим и особенности «репертуара названий» в тот или иной

³ Лихачёв Д. С. Исторические названия — памятники культуры // Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». 17–20 апреля 1989 г. Тез. докл. и сообщ. М.: 1989. С. 3–4.

момент. Конечно же, данный тезис касается не всех, а большинства названий — имён объектов, наиболее значимых для советской страны. Отдельные исключения из пропагандистского значения топонимии в СССР не изменяют общего правила.

За редкими исключениями (как то возвращение 20 названий в блокадном Ленинграде в 1944 г.) историческая ценность ранее возникших названий в СССР официально не признавалась. В сфере топонимики власть фактически руководствовалась следующим подходом: «Текущая конъюнктура — всё; история и культура — ничто». Важность топонимического направления пропагандистских усилий советской власти подтверждается тем, что эти вопросы решались высоким, а порой высшим партийным начальством. До начала падения советского режима истинная политическая кухня в области топонимики находилась под грифами секретности. Это ещё раз показывает её идеологический, пропагандистский характер, противоречащий цели бережного сохранения культурного наследия.

III. ПАРТИЙНЫЕ И ГЛАВЛИТОВСКИЕ ПРИМЕРЫ

Изучая рассекреченные фонды Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) — КПСС бывшего партархива Ленинграда⁴, внимательный исследователь обратит внимание на

то, что в советские годы партийные начальники Ленинградского региона регулярно обсуждали вопросы переименований под грифом секретности. Под тем же грифом органам советской власти давались поручения «оформить в советском порядке»⁵ принятое партией решение по названиям. При этом ссылку на партийные решения ширма советской власти делать не имела права: задача советской ширмы — наоборот, прикрывать истинный источник решения.

Использование советской властью названий для манипуляции населением подтверждается и тем, что на страже советских переименований стоял Главлит — тайный орган советской цензуры. Существование этой организации не было предусмотрено ни советскими конституциями, ни другими отрытыми законами. Уже со времён Сталина открытое упоминание этой организации запрещалось. По своему значению и статусу в советской системе Главлит находился между КГБ и КПСС. Как увидим далее, даже нейтральное упоминание факта советских переименований, как правило, рассматривалось Главлитом как нарушение советского порядка.

Приводимые ниже партийные и главлитовские источники ценны тем, что могут помочь предположить мотивацию действий Коммунистической партии — логику власти в области идеологии и пропаганды.

⁴ Фонды 24 и 25 Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД).

⁵ Так, например, было сделано в п. 2 секретного решения горкома ВКП(б) от 5 января 1944 г., санкционировавшего после одобрения И. Сталиным возвращение 20 названий в Ленинграде: «Поручить исполкому Ленгорсовета депутатов трудящихся оформить это постановление в советском порядке» (ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4895. Л. 4).

ПРИМЕР № 1. НЕСОСТОЯВШИЕСЯ УНИЧТОЖЕНИЯ «СТАРОРЕЖИМНЫХ» ИМЁН

Ценнейший источник для понимания мотивов советской власти в области названий — проекты решений в области топонимии, обсуждавшиеся в партийных органах. Не менее чем подоплёка состоявшихся переименований, ценны и редакции проектов документов, из которых видно, во что могли быть переименованы многие любимые петербуржцами объекты. Следует помнить и о том, что закрытый характер решений, принимавшихся в этой сфере в советский период, приводил к тому, что то или иное переименование могло произойти или не произойти по прихоти отдельного начальника. Таким образом, в пределах советских идеологических рамок судьба наименований в СССР фактически определялась закрыто и в высшей степени произвольно.

Важнейшим направлением деятельности советской власти в области названий было устранение так называемых «старорежимных» названий. Под этим могло пониматься всё, что напоминало о дореволюционном укладе: сведения о религиозной жизни до 1917 г., об экономике, о сословиях Российской Империи, о властных институтах, даже о защите Отечества и т. д.

В рамках работы по уничтожению «старорежимных», то есть несоветских названий 10 сентября 1935 г. было принято Постановление Президиума Ленсовета «О переименовании улиц города Ленинграда». Согласно ему были уничтожены 15 «старорежимных» исторических названий:

№	Уничтожаемое «старорежимное» название	Советский новодел	Идейно-пропагандистские причины переименования
1	Введенская площадь	Витебская площадь	Религиозное название
2	Введенский канал	Витебский канал ⁶	Религиозное название
3	Чубаров переулок	Транспортный переулок	• ссылка на домовладельца; • ассоциации с «Чубаровским делом»
4	Единоверческая улица	Партизанская улица	Религиозное название
5	Новоспасская улица	Светлановская улица ⁷	Религиозное название
6	Успенская улица	Присоединена к Арсенальной улице	Религиозное название
7	Благовещенская улица	Сибирская улица ⁸	Религиозное название

⁶ Засыпан в 1962–1967 гг.; фактически бытовали оба названия (см.: Рыжков А. Б. Здесь был канал // Топонимический альманах. 2017. № 1 (5). С. 11–15). В 1980 г. бывшей набережной официально присвоено наименование *набережная Введенского канала*, позже установилось название в прежней форме — *Введенский канал*.

⁷ Упразднена в 1965 г.

⁸ Упразднена в начале 1960-х гг.

№	Уничтожаемое «старорежимное» название	Советский новодел	Идейно-пропагандистские причины переименования
8	Нобелевская дорога	Нефтяная дорога	<ul style="list-style-type: none"> отсылка к Нобелю как владельцу складов; ассоциация с Нобелевской премией, присуждённой в 1933 г. «антисоветчику» И. Бунину
9	Графская улица (Коломяги)	Совхозная улица ⁹	Отсылка к сословиям до 1917 г.
10	Министерское шоссе	Комендантское шоссе ¹⁰	Ссылка на дореволюционные органы власти
11	Церковная площадь (Аптекарский остров)	Упразднена	Религиозное название
12	Храмовая улица	Улица Блохина	Религиозное название
13	Троицкий переулок	Трамвайный переулок ¹¹	Религиозное название
14	Церковный переулок	Ткацкий переулок	Религиозное название
15	Чурикова дорога (с. Александровское)	Детская дорога ¹²	Религиозное название (по проповеднику И. А. Чурикову, умершему в 1933 г. в заключении за антисоветскую деятельность)

В проекте же постановления Ленсовета находим намного больше инициатив по уничтожению «старорежимных» имён¹³, например:

№	Уничтожаемое «старорежимное» название	Предлагавшийся советский новодел	Идейно-пропагандистские причины переименования	Дальнейшая судьба проезда
1	Богословская улица	Куйвозовская улица	Религиозное название	1941 г. — попытка переименования в Почтовую; 1977 г. — упразднение
2	Зиновьевская улица	Дагестанская улица	<ul style="list-style-type: none"> по домовладельцу; созвучно имени жертвы советского режима 	1939 г. — переименована в Беломорскую

⁹ Упразднена в 1972 г.

¹⁰ Упразднено в 1964 г.

¹¹ С 1967 г. — улица Грибакиных.

¹² Упразднена в 1964 г.

¹³ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1152. Л. 32–50.

№	Уничтожаемое «старорежимное» название	Предлагавшийся советский новодел	Идейно-пропагандистские причины переименования	Дальнейшая судьба проезда
3	Проспект Бенуа	проспект Ударников	По владельцу недвижимости	С 1952 г. — Тихорецкий проспект
4	Вознесенский переулок	Грибоедовский переулок	Религиозное название	С 1952 г. — Красноградский переулок
5	Калинкин мост	мост им. Марти	По дореволюционной деревне	Сохранилось
6	Большая Подъячская улица	Мусоргская улица	По мелким чиновникам до революции	Сохранились
7	Средняя Подъячская	Оперная улица		
8	Малая Подъячская	Бетховенская улица		
9	Солдатский переулок	Башкирский переулок	По солдатским казармам Преображенского полка	Сохранилось
10	Толмазов переулок	Певцовский переулок (в честь народного артиста РСФСР Иллариона Певцова, умершего в 1934 г.)	По домовладельцу	В 1940-е переименован в переулок Крылова
11	Гатчинская улица	Типографская улица	По переименованной в это время Гатчине	Сохранилось
12	Крестовский проспект	Физкультурный проспект	Вероятно, созвучие с религиозными названиями	Сохранилось

ПРИМЕРЫ № 2 И 3. ПОЛИТИЧЕСКИ НЕПРИГЛЯДНЫЕ НАЗВАНИЯ

Названия, которые были отданы на откуп местной власти и местному населению, подвергались проверке со стороны вышестоящих инстанций. Более того, эти проверки проводились и по партийной линии, и советской прокуратурой, а это показывает, что топонимика в глазах советской власти имела важное государственное значение.

Так, 20 апреля 1937 г. инспектор Отдела распорядительных партийных органов (ОРПО) обкома ВКП(б) направляет на имя А. А. Жданова докладную о состоянии агитационно-массовой работы в Борисово-Судском районе Ленинградской области¹⁴ со следующими проблемами в сфере названий:

¹⁴ Позднее район передан в состав Вологодской области.

«В Борисово-Судском районе до сих пор имеются такие ещё наименования колхозов, которые не должны существовать, как, например, “Корнилово”¹⁵, “Вольная община”¹⁶, “Старое”, “Рыковское”, “Стармуж”, “Свободная воля”, “Задний двор”, “Воля”, “Конецкое” и т. д., так как ничего общего с наименованием большевистских колхозов такие названия не имеют»¹⁷.

Документ под грифом «строго секретно» разослан по распоряжению А. Жданова членам обкома партии.

22 ноября 1937 г. прокурор Петроградского района докладывал прокурору Ленинграда о результатах своей инспекции в Дновском районе Ленинградской области:

«Во время пребывания в Дновском районе по обследованию райпрокуратуры мне пришлось столкнуться с фактом наличия в Дновском районе совершенно недопустимых названий колхозов, как то колхоз “Красные язвы”, колхоз “Красная поповщина”, колхоз “Красный балахон”, колхоз “Засералово”.

Считаю, что такие названия не только дискредитируют колхозы, но являются прямой контрреволюционной агитацией...»¹⁸

Документ был направлен прокурором Позерном в обком ВКП (б) на имя А. А. Кузнецова (в то время — начальника отдела распорядительных партийных органов). Тот передал документ в секретариат обкома.

Очевидно, что секретная активность высшего партийного и прокурорского начальства области в вопросах названий свидетельствует о важнейшем агитационном значении топонимии для советской власти. Приведённые выше в двух докладных записках наименования колхозов противоречили пропагандистским усилиям Коммунистической партии в области создания образа колхозного и в целом советского рая. Не смущало партию и то, что почти все приведённые в двух докладных названия — это не новоделы, а названия населённых пунктов, в которых образованы колхозы. Однако для советской власти колхоз, а следовательно, и его название — это не хозяйственное, а именно политическое дело. Отсюда и исходят грозные выводы о «контрреволюционной агитации», то есть о страшном для советского человека человека государственном преступлении (пресловутая статья 58 УК РСФСР).

¹⁵ Видимо, в этом названии советская власть усмотрела ассоциации с Корниловским мятежом 1917 г.

¹⁶ «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» — это была картина советской жизни для пропаганды. На деле, особенно после начала закабаления советских крестьян в колхозах с 1930 г., любые ссылки на «волю» рассматривались как крамольные.

¹⁷ ЦГАИПД. Ф.24, Оп. 2в. Д. 2549. Л. 100–108.

¹⁸ Там же. Д. 2482. Л. 46.

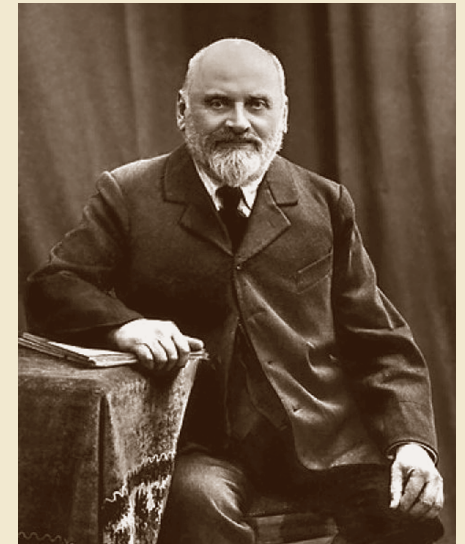

ПРИМЕР № 4. ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОПАГАНДЫ

Характерно, что за редкими исключениями советские власти не признавали исторической ценности топонима. Об этом говорит в первую очередь, конечно же, сам факт массовых, лавинных переименований начиная с 1918 г. Такого массового уничтожения исторического культурного слоя до прихода к власти большевиков в России не было никогда. Во-вторых, об игнорировании культурной ценности исторических топонимов свидетельствуют партийные документы, раскрывающие мотивировку тех или иных решений в области названий. Эти объяснения мы увидим и в случаях, когда исторический топоним был сохранён, но по причинам, далёким от бережного отношения к историческому и культурному наследию страны.

Так, в мае 1935 г., как всегда под грифом секретности, партийные начальники в Смольном рассматривали предложение некоего Василия Яковлевича Оранского. Гражданин предложил переименовать Коломенскую улицу Ленинграда в Балакиревскую в честь великого русского композитора, жившего в доме № 7 до 1910 г. Среди прочего инициатор предложения ссылался на то, что якобы Русское музыкальное общество готовило такое предложение ещё до революции.

Характерно, что причина отказа в этом предложении, как это раскрывает секретная переписка, связана с отрицательной оценкой партией не музыкальных талантов композитора, а его политических взглядов. В служебной записке о нецелесообразности такого переименования М. А. Балакиреву припомнили то, что он изменил свои подходы «до “философии” черносотенного Победоносовского толка»¹⁹.

М. А. Балакирев (1836–1910)

¹⁹ Там же. Д. 1541. Л. 4–6.

ПРИМЕР № 5. УПОМИНАНИЕ ЦАРЯ КАК ВРЕД ПРОПАГАНДИСТСКИМ ЦЕЛЯМ

В борьбе за стирание памяти об истории Отечества до 1917 г. советская власть руководствовалась двумя базовыми принципами: демонизация досоветского прошлого и принцип «забыть Герострата». Иными словами, о дореволюционном прошлом, согласно общему правилу, позволялось либо говорить в отрицательном ключе, либо вовсе о нём не упоминать.

Так, ссылка в нейтральном топонимическом контексте на последнего русского императора могла быть сочтена органами цензуры политической ошибкой. Архивные фонды Ленинградского Главлита сохранили «Информацию об ошибках в газете “Свирские огни”», адресованную Лен-облгортлитом 19 мая 1977 г. за № 109с секретарю обкома КПСС тов. Андрееву Б. С.:

«В газете “Свирские огни” — орган Подпорожского Горкома КПСС и городского совета, за 12.05.1977 № 57 под рубрикой к 60-летию Советской власти опубликован материал “Посёлок Никольский раньше и теперь”. В нём в частности, приводятся сведения, что “селение до 1913 года называлось Немецкое, потом было переименовано в Никольское (в честь последнего царя Николая)”. Никаких сведений о дореволюционной жизни в Никольском нет. По сути, в небольшом материале речь идёт о последних годах развития посёлка. Заметка заканчивается так: “Хорошие перспективы у Никольского и в будущем”. Популяризация имени царя, увековеченного в названии посёлка, к тому же в материале, посвящённом юбилею Советской власти, по нашему мнению, является ошибкой»¹⁹.

Таким образом, одно лишь упоминание исторического факта связи имени посёлка с царём рассматривалось не больше не меньше, как «популяризация имени царя». Последнее для советской власти было недопустимо,

так как наносило вред пропагандистским устоям режима, основанным на очернении всего, что связано с монархией.

Газета «Свирские огни» выходит по сей день

ПРИМЕР № 6. ВТОРЖЕНИЕ В СФЕРУ ФИЛОЛОГИИ РАДИ ПРОПАГАНДЫ

Следующий пример из фондов советской цензуры, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к топонимике, однако если мы вспомним, какое важное место занимал эпитет «красный» в советской системе названий (улица Красного Текстильщика, улица Красного Курсанта, завод «Красный Выборжец» и т. п.), то поймём, что в этом примере цензоры защищали в том числе пропагандистскую остроту и однозначность соответствующих имён.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 228. Л. 24–25. Выделено нами.

В секретных «Сводках цензорских вмешательств» за 1978–1979 гг. мы находим следующее указание:

«...по согласованию с отделом культуры Обкома КПСС не разрешён текст, раскрывающий значение прилагательного “красный” в толковании “психически ненормальный” и как бранное слово» — Изд-во «Наука», Сборник «Диалектная лексика», Н. И. Андреева-Васина. Прилагательное «красный» в русских народных говорах²¹.

Таким образом, советские цензоры даже в местных, диалектных говорах видели потенциальную угрозу советской власти и её пропагандистским усилиям.

Обложка тайно отцензурированного сборника статей о диалектах

ПРИМЕР № 7. ОШИБКА В НАЗВАНИИ МОГЛА СТОИТЬ ОЧЕНЬ ДОРОГО

29 июля 1937 г. главный редактор «Ленинградской правды» А. Н. Троицкий писал с докладной секретарю обкома А. А. Жданову:

«В номере “Ленинградской правды” от 28 июля допущена ошибка: упомянуто название “фабрика им. Бела Куна”, в то время как оказывается, Бела Кун разоблачён как враг. Произошло это потому, что ни я, ни мой заместитель не были осведомлены о факте разоблачения Бела Куна как врага. С другой стороны, возникает вопрос о переименовании многих объектов (заводы и пр.), носящих до сих пор имена людей, которые оказались врагами. Названия этих фабрик, заводов и пр. до сих пор ходят по городу без всяких изменений. Было бы целесообразно выделить комиссию, которая бы произвела переименование объектов, носящих имена людей, разоблачённых как врагов»²².

Из этого документа следует, что одно лишь использование неверного названия, тем более имени человека, ставшего жертвой советского террора (хоть прежде он и сам был советским функционером и соучастником этого террора) рассматривалось в партийном руководстве как чрезвычайная ситуация. Покаянные извинения за допущенную «ошибку» должны были предупредить возможность квалифицировать её как сочувствие к «врагу

²¹ Там же. Д. 250. Л. 39.

²² ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2305. Л. 47. Впоследствии фабрика именовалась «Ленсукно». Располагалась по адресу: наб. р. Екатерингофки, 19.

народа». Упоминание жертв советского террора было возможно исключительно в отрицательном контексте. Использование этого имени даже в названии пока ещё не переименованной фабрики противоречило целям советской пропаганды. Ведь это обращало внимание на то, что «враги» и «друзья» советской власти меняются ещё менее предсказуемо, чем настроение её вождей.

Указанная докладная главреда была принята Ждановым «к сведению», однако лояльность и покаяние Троицкого ему не помогли. Через несколько месяцев он сам был арестован как «враг народа», а в 1938 г. расстрелян.

ПРИМЕР № 8. ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ОБЛАСТИ НАЗВАНИЙ МЕНЯЛИСЬ ВМЕСТЕ С ПОЛИТИКОЙ

Пропагандистский характер регулярных советских переименований вполне подпадает под известную советскую шутку:

- Колебались ли вы относительно линии партии?
- Колебался вместе с линией.

В стране «победившего социализма» один и тот же объект нередко мог переименовываться несколько раз в угоду текущей конъюнктуре. По характеру смены мемориальных названий можно было, как правило, без труда предположить, куда в очередной раз поворачивает советская пропаганда. Архивные документы содержат немало примеров таких метаморфоз.

Так, в 1957 г. Маленков, Каганович и Молотов были заклеены как «антипартийная группа» и лишены постов. Ленинградский обком КПСС 1 июля 1957 г. направляет в ЦК КПСС секретную докладную по решению ЦК «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова». В докладной решения центральных органов партии безоговорочно поддерживаются. При этом приводятся аргументы и топонимического толка, в том числе со ссылкой на мнение граждан:

«Начальник цеха фабрики “Рот-фронт” Смирнов: “В каждом сельсовете — колхозы имени Сталина, имени Молотова, имени Маленкова и т. д. В Москве, центре нашей Родины, Молотовский район, Кагановичский район, там завод им. Кагановича, завод им. Ворошилова и т. д. Пора покончить с этой раздачей наименований”»²³.

С «раздачей наименований» советская власть, конечно же, не покончила, так как это был один из приёмов поощрения, агитации и пропаганды. Однако имена одних «героев» вовремя сменялись именами других.

²³ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 105. Д. 100. Л. 66.

ПРИМЕРЫ № 9 И 10. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЗВАНИЙ КАК ОРУДИЯ ПРОПАГАНДЫ — ВАЖНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА

То, что вопросы советских переименований относились к разряду государственной тайны, подтверждается не только соответствующими грифами секретности на многих документах этой тематики. Тот факт, что советская власть понимала конъюнктурность и беспринципность многих изменений названий и не хотела, чтобы граждане лишней раз обращали внимание на использование названий как орудия пропаганды, подтверждается и активностью органов советской цензуры.

Так, в «сводках цензорских вмешательств» Ленинградского Горлита за 1978–1979 гг. находим среди «политико-идеологических замечаний»:

«По согласованию с отделом пропаганды и агитации Обкома КПСС не разрешены сведения о возвеличивании отдельных лиц в период культа личности, о неоправданном переименовании городов, присвоении им наименований отдельных лиц»²⁴. — С. М. Бардин. Скромность украшает. С. 24

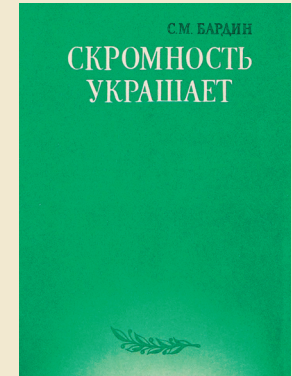
Советская цензура вымарывала не только общие сведения о советских идеологических переименованиях. В печать не допускались и конкретные примеры. Так, в сводке цензорских вмешательств за 1974 г. к «политико-идеологическим замечаниям», на основе которых были удалены данные о переименовании судов, отнесены следующие:

«В августе-сентябре 1927 года Балтийским заводом сданы три лесовоза 1 серии: “Красный партизан” (бывший “Г. Зиновьев”), “Мирный” (бывший “М. Томский”) и “Товарищ Красин”. <...> 1 мая 1925 г. — Северная верфь. Заложены два рефрижераторных грузопассажирских теплохода для работы на линии Ленинград — Лондон: “Алексей Рыков”, переименованный в “Андрей Жданов”, и “Ян Рудзутак”, переименованный в “Мария Ульянова”»²⁵

Приведённые прошлые и настоящие имена лесовозов и теплоходов не только напоминали бы гражданам о беспринципной изменчивости советской политики, но и обращали бы внимание на людей, уничтоженных советской властью (Зиновьев, Томский, Рыков и пр.) Последнее, как и иные преступления советского режима, цензуре следовало скрывать.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 250. Л. 18.

²⁵ Там же. Д. 172, Л. 145.

Обложка книги, в которой цензоры запретили упоминать массовые советские переименования

А. Б. Рыжков

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ

«Топонимическая волна» уничтожения исторических названий в 1952–1954 гг. стоит особняком во всей послереволюционной истории ленинградской топонимии. Она не была вызвана какими-то насущными идеологическими потребностями, как довоенные «волны». Но и увековечение заслуженных личностей, ставшее причиной утраты многих ценных городских имён в 1960–80-е гг., тоже не играло ключевой роли в этом решении. Парадоксальным образом эта история ещё раз подтвердила собственную культурную ценность городской топонимии, не связанную со злободневным отношением к персонам и явлениям. Но если в 1944 г. возвращение Ленинграду важной части его культурно-исторической самобытности, выразившееся в восстановлении 20 ценнейших исторических названий, было своеобразным подарком, наградой городу ко Дню полного снятия блокады, то уничтожение сотни исторических имён в 1952–1954 гг. было вызвано обратным желанием: унизить «зарвавшийся» город путём ликвидации «устаревших» названий. Эта акция стоит в одном ряду с разгромом Музея обороны и блокады Ленинграда, а проводили её те же люди, которые устроили масштабную чистку городского руководства в ходе «Ленинградского дела».

Настоящая работа представляет собой начало исследования, которое требует рассекречивания достаточно большого корпуса ленинградских партийных документов начала 1950-х гг. Пока что мы рассмотрим те документы, которые открыты и рассекречены на текущий момент.

КАК ЛЕНИНГРАДЦЫ УЗНАЛИ О ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ

В бюллетене № 4 Ленгорисполкома в феврале 1953 г. интересующиеся граждане могли увидеть следующее сообщение (см. фото 1). Из него следовало, что Ленгорисполком изменил названия улиц с «устаревшими наименованиями» в 13 районах города. Других обоснований указано не было, точное количество переименованных улиц не со-

общалось, а прилагавшийся список содержал переименованные улицы только в 4 районах, хотя продолжение должно было последовать в следующих выпусках бюллетеня. Также сообщалось, что районные исполкомы должны были заменить адресные знаки и квартальные таблички переименованных улиц к 1 мая 1953 г.

Однако более никаких списков в 1953 г. опубликовано не было, да и райисполкомы не стали менять таблички. Следующим (и последним) открытым текстом о переименовании улиц стал выпуск исполкомовского бюллетеня № 3 уже в 1954 г. (см. фото 2).

При этом он содержал вовсе не полный список переименованных улиц, а только, наоборот, те 12 улиц Ждановского района, от переимено-

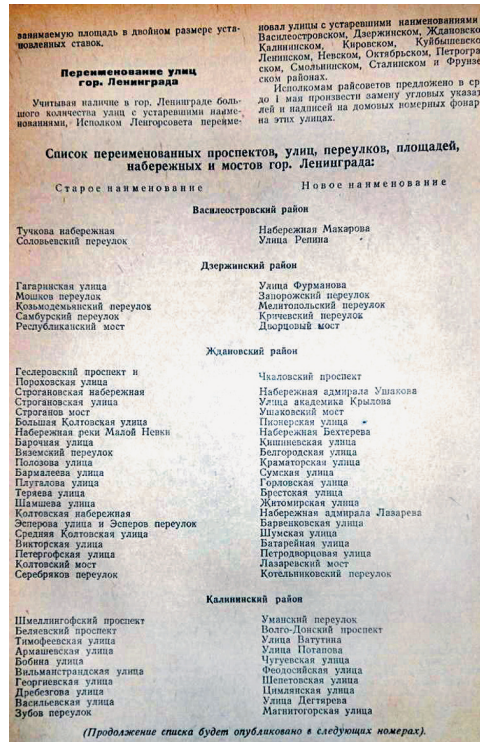

Фото 1

нования которых отказались, хотя в предыдущем бюллетене они как раз и были указаны как переименованные. Новый срок фактического изменения всех прочих названий был установлен с 1 по 10 апреля 1954 г., и на сей раз всё было выполнено. Именно тогда жители улиц, не упомянутых в бюллетене 1953 г., и узнали о новых названиях — явочным порядком, ведь общедоступные карты города тогда не выпускались. Сколько же этих улиц было всего, как рождался первоначальный список переименований, почему были «помилованы» некоторые названия на

¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2193. Л. 4.

Порядок наименования и переименования улиц, площадей и набережных в гор. Ленинграде и его пригородах

Исполнительный Комитет решением от 28 сентября установил, что наименование и переименование улиц, площадей и набережных в гор. Ленинграде и его пригородах производится решением Исполкома Ленгорсовета по представлению исполкомов районных Советов депутатов трудящихся.

Учет наименования улиц сохранен в Управлении по делам архитектуры.

Решение Исполкома Ленгорсовета от 18 августа 1952 г. «О порядке наименования, переименования и учета улиц, площадей и набережных в гор. Ленинграде и его пригородах» («Бюллетень Ленгорсовета» 1952 г., № 17) признано утратившим силу.

Переименование улиц гор. Ленинграда

В «Бюллетене Ленгорсовета» 1953 г., № 4 (раздел «Информация») частично опубликован список переименованных проспектов, улиц, переулков, площадей, набережных и мостов гор. Ленинграда.

В этот список внесено изменение, сохраняющее старое наименование следующих улиц в Ждановском районе: Барочная ул., Вяземский пер., Полозова ул., Бармалева ул., Плуталова ул., Терьева ул., Шамшева ул., Эсперова ул., Эсперов пер., Средняя Колтовская ул., Серебряков пер., набережная реки Малой Невки.

Срок ввода в действие новых наименований установлен с 1 по 10 апреля 1954 года.

Фото 2

Петроградской стороне, на Островах и в Новой Деревне (т. е. на тогдашней территории Ждановского района), и отчего процесс переименования затянулся на полтора года?

О ЧЁМ ГОВОРЯТ ПРОТОКОЛЫ ЛЕНГОРИСПОЛКОМА

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) содержится ряд материалов, связанных с топонимическими решениями 1952–1954 гг. В первую очередь это протокол заседания Бюро Ленгорисполкома № 118-3-6 от 15 декабря 1952 г.¹ Однако в нём вы не найдёте

никаких мотивировок устранения исторических названий, кроме обнародованных позднее в бюллетене. «Учитывая наличие в г. Ленинграде большого количества улиц с устаревшими названиями, Исполнительный Комитет <...> решает: переименовать улицы с устаревшими названиями <...> в соответствии с приложением». Из протокола видно, что докладчиком по данному вопросу на заседании Бюро Ленгорисполкома выступал заместитель начальника Управления по делам архитектуры А. И. Наумов.

С довоенных лет практическими вопросами городских наименований ведали в архитектурном управлении. Знаменитое возвращение 1944 г. началось именно с докладной записки тогдашнего главного архитектора Ленинграда Н. В. Баранова. Но к декабрю 1952 г., после «Ленинградского дела», не осталось в живых никого из тех ленинградских руководителей, кто согласовывал и подписывал это решение в январе 1944 г. (как считается, своей смертью из них умер только А. А. Жданов). Сменивший отправленного в ссылку в Среднюю Азию Баранова новый главный архитектор Ленинграда В. А. Каменский, очевидно, не мог или не хотел вступать за исторические названия, хотя и состоял в расширенной решением Ленгорисполкома № 82-7-б от 18 августа 1952 г. комиссии по наименованию и переименованию улиц. И, как следует из сопроводительной записки к проекту решения², поданной на имя председателя ко-

миссии, заместителя председателя Ленгорисполкома Н. В. Филимонова, именно на Управление по делам архитектуры была возложена печальная миссия по технической подготовке списка уничтожаемых исторических названий, который к моменту вынесения на заседание Бюро Ленгорисполкома в декабре 1952 г. состоял из 113 пунктов.

Но ни в этой записке, ни даже в стенограмме заседания Бюро Ленгорисполкома от 15 декабря 1952 г.³ не удаётся обнаружить развёрнутого обоснования принимаемого решения! В записке упоминается лишь имевшее место ещё в декабре 1951 г. согласование переименований со всеми исполкомами райсоветов, а также отдельно упомянуты добавленные в список летом 1952 г. переименования *Калинкинской площади* в *площадь Репина*, *Овсянниковского сада* — в *сад Чернышевского* и *Крестовской улицы* в *Сестрорецке* — в *улицу Мосина*. Что же касается стенограммы, то максимум «обосновательной» информации по решению прозвучал на заседании не из уст основного докладчика — архитектора. От него заседавшие узнали только, что у Ждановского райисполкома возникли замечания к списку: «*т. Гусев в Горкоме не возражал, а сейчас вносит замечания*». Из всех членов комиссии по наименованиям выступил только начальник Управления милиции Ленинграда И. В. Соловьёв, заявив следующее (текст стенограммы цитируется буквально):

«Комиссия правильно провела работу. В городе много деталей, помимо сообщений, о которых товарищи не представляют. В списке нет ни одного названия, которое бы повторялось или не отвечало политическим моментам».

На обсуждении выступали и представители некоторых других районных исполкомов, но их поправки носили технический характер. Самое серьёзное замечание по сути вопроса озвучил член Бюро Ленгорисполкома С. Е. Алтунин: «*В Ждановском районе переименование Большого просп. в Ждановский просп. — привьётся ли это*». Да, в первоначальном варианте решения Ленинград должен был вновь лишиться *Большого проспекта Петроградской стороны*, успевшего побывать *проспектом Карла Либкнехта* и возвращённого в январе 1944 г.! Казалось бы, выбор переименователей был безупречен: по этому проспекту в то время проходила граница Ждановского и Петроградского районов, он начинался от исторической речки Ждановки, и даже сама форма переименования в честь А. А. Жданова имитировала историческую! Очевидно, за словами Алтунина стояло нечто большее, чем буквальное сомнение в возможности «прививки» нового названия. И хотя председатель Ленгорисполкома П. Ф. Ладанов немедленно подал реплику: «*У нас два Больших проспекта*», и более на заседании этот пункт списка не обсуждался, из итогового решения переименование Большого проспекта Петроградской стороны было убрано. Не исключено, что это было вызвано тем, что А. А. Жданов окончил свои дни если

не в опале, то в некоторой немило-сти со стороны Сталина...

Черту под обсуждениями подвёл опять же Ладанов (стенограмма цитируется буквально):

«Это первое решение, таких решений будет несколько, будет переименовано большое количество улиц. Эту работу начали давно, но не так просто делать, как думают. Нужно проработать эти вопросы, найти исторические источники, на которые можно сослаться. Это сделали, дали новые названия улиц, уточнили. Сейчас принимается только 1/3 всех улиц».

Как видно, и тут не было приведено ни одного аргумента, объясняющего необходимость переименования такого огромного количества улиц (более 300, как следует из этой программы-максимум). Присутствующих на заседании просто информируют: нужно переименовывать как можно больше, и точка. Но, очевидно, участники заседания и не нуждались в принципиальных разъяснениях. Они были получены ранее от тех людей, которым принадлежала реальная, а не «выставочная» власть в городе.

РУКОВОДЯЩАЯ И НАПРАВЛЯЮЩАЯ СИЛА ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ 1952 г.

Во всех процитированных выше документах содержится только одно упоминание об участии ленинградских партийных органов в вопросе переименования — упрёк докладчика на заседании Бюро Ленгорисполкома 15 декабря 1952 г. в адрес председателя Ждановского райисполкома. Дескать, в горкоме партии

² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2193. Л 44.

³ Там же. Л. 45–46.

у товарища Гусева возражений не было! Однако не надо забывать, что городами и областями при «советской» власти управляли не Советы депутатов и не их исполнительные органы. Истинная власть в стране была в руках Коммунистической партии, и именно на новых руководителях ленинградской партийной организации, осуществлявших в 1949–1952 гг. в Ленинграде беспрецедентную для послевоенного СССР чистку, лежит ответственность за уничтожение исторических названий в начале 1950-х гг.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) находится докладная записка председателя Ленгорисполкома П. Ф. Ладанова на имя первого секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) Ф. Р. Козлова⁴, датированная 8 марта 1952 г. В ней сказано:

«Исполнительный Комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся представляет на Ваше рассмотрение список улиц города Ленинграда с устаревшими названиями, намеченных к переименованию, и просит Ваших дальнейших указаний».

Резолюция Козлова от 11 марта 1952 г. гласит:

«т. Верижникову С. М. Внесите на бюро горкома ВКП (б)».

Верижников как заведомо городского хозяйства горкома партии курировал топонимические вопросы

по партийной линии, будучи членом созданной решением Ленгорисполкома № 44-2-б от 10 июля 1950 г. комиссии по наименованию и переименованию улиц. Однако данный вопрос явно выходил за рутинные рамки, и характерные слова об ожидании **дальнейших** указаний от Ф. Р. Козлова, а также последовавшие в 1953–1954 гг. перипетии в связи с этим решением о переименовании, о которых будет сказано ниже, позволяют предполагать, что именно Фрол Козлов, сыгравший зловещую роль в «Ленинградском деле», был инициатором уничтожения исторических названий в Ленинграде.

Любопытно, что к записке Ладанова и списку названий на замену, поданному в марте 1952 г., прилагается справка⁵, в которой упоминается наличие в городе «около 300 улиц с устаревшими и одноимёнными названиями». Но в поданном при этом списке из 112 пунктов не было **ни одного** повторяющегося в городе, за исключением Большого проспекта Петроградской стороны, и то с некоторой оговоркой. А его-то как раз и убрали из итогового решения в декабре 1952 г. Какие же основания «устарелости» приводились в самом списке?

Подавляющее большинство пояснений к заменяемым названиям позволяет считать, что вычищались в основном фамилии домо- и землевладельцев, купцов и заводчиков, «кабацкие» названия, случайно уцелевшие названия религиозного и явно «старорежимного» происхож-

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 50. Д. 55. Л. 30–35.

⁵ Там же.

дения — например, имена начальниц Смольного института. К ним были добавлены несколько труднопроизносимых названий по городам Великого княжества Финляндского (*Роченсальмская, Фридрихсгамская, Вильманстрандская улицы*). Однако «старорежимные» названия, возвращённые в 1944 г., почти не затрагивались, исключая неудавшееся в итоге переименование Большого проспекта Петроградской стороны и, к сожалению, удавшееся переименование *Введенской улицы* в *улицу Олега Кошевого*. Упоминаний об их «раннесоветских» названиях справка не содержит. В «идеологический» ряд совсем не укладываются претензии к *Сенной площади*, но зато блистательно обосновано сменившее её название *площади Мира*: «от площади начинается проспект имени величайшего борца за мир и дружбу между народами *Иосифа Виссарионовича Сталина*» (см. фото 3).

Схожие причины привели и к обоснованию уничтожения «нейтральной» *Лиговской улицы* — она стала *Сталинградским проспектом*. Названия *Петергофской* и *Териокской*

улиц предлагалось привести в соответствие с новыми названиями этих городов. Хорошей иллюстрацией «переименования ради переименования» стала замена *Глухоозерской улицы* на *Мельничную*.

Но не только дореволюционные названия попали в разряд «устарелых». В «уточнении» нуждалась *площадь Диктатуры* — для устранения нежелательной двусмысленности к ней было добавлено слово «Пролетарской». Под горячую руку попал и ученый-изобретатель Эдисон: улицу его имени следовало переименовать в *улицу Яблочкова* в русле борьбы с низкопоклонством перед Западом. И как ни удивительно, но в этом списке нашлось место и для возвращения исторических названий! «Почти» возвращение состоялось для *Алекса́ндро-Невской площади*: *Красная площадь* была переименована в *площадь Алекса́ндра Невского*. Таким образом, акцент с местной религиозной доминанты сместился на личность князя-полководца, к тому времени прочно вошедшего в советский исторический пантеон. И даже *Дворцовому мосту*,

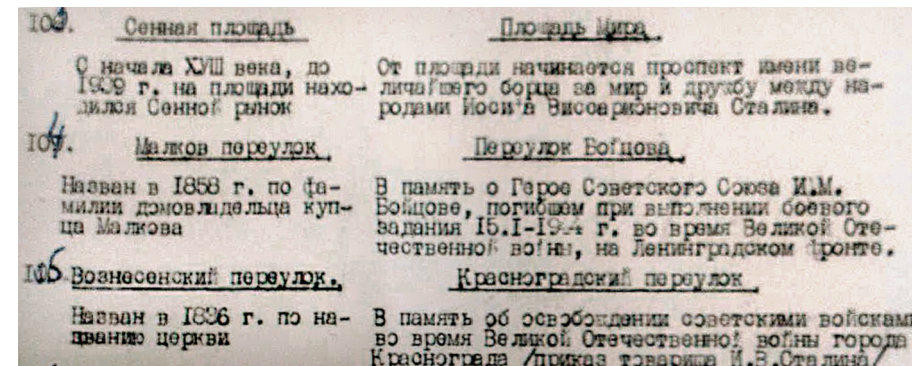

Фото 3

до этого времени по документам всё ещё числившемуся *Республиканским*, возвращение названия было оформлено официально, без всяких кавычек. Видимо, его и до 1944 г. никто так не называл, почему он и был «забыт» при тогдашнем возвращении вместе с *Республиканским* же проездом. Историческое название последнего вернулось просто стихийно, ну а строчка в обосновании, посвящённая мосту, гласит лаконично: «название не привилось».

Последнее исключение — безусловно, приятное — не отменяет общей мракобесной направленности этой инициативы по уничтожению исторических имён. Очевидно, что она не была вызвана ни потребностью в ликвидации дублирующихся названий, ни необходимостью увековечить некоторое количество выдающихся людей. Это доказываются не только формулировками докладной записки, где говорится именно о ликвидации названий, а не о потребности в каких-то новых именах на карте города, но и беспрецедентным для советского периода использованием «географического» принципа в переименованиях.

Но в отличие от «географии» XIX в., названия городов, которые должны были прийти на смену историческими именами улиц, не были тематически связаны с определёнными районами города. Они произвольно выбирались из приказов Верховного Главнокомандующего, посвящённых освобождению населённых пунктов на территории СССР. Например, «*Мелитопольский переулок — в память об освобождении советскими войсками во время Ве-*

ликой Отечественной войны города Мелитополь (приказ товарища И. В. Сталина от 23.X.1943 года)». Таких названий в общем списке более трети — 42 штуки! Ещё три «мирных» географических названия были связаны со стройками периода индустриализации (*Кемеровская, Магнитогорская улицы и Волгодонский проспект*). Ещё две улицы (*Волочаевская и Перекопская*) отсылали к боям Гражданской войны. Герои Гражданской (Г. И. Котовский, В. И. Чапаев, А. Я. Пархоменко) были задействованы и в «мемориальной» части переименований, где были представлены в основном деятели «общесоветского» топонимического пантеона. Названий в честь людей, имевших отношение к Ленинграду-Петрограду-Петербургу, в том числе и героев Великой Отечественной, набралось только 19.

Летом 1952 г., однако, в проектный список была внесена чисто «мемориальная» добавка, отдельно обозначенная в сопроводительной записке к проекту решения в декабре 1952 г. Это упомянутое выше переименование Калининской площади в площадь Репина, Овсянниковского сада — в сад Чернышевского и Крестовской улицы в Сестрорецке — в улицу Мосина.

Два последних пункта интересны тем, что для обоих исторических названий тогда не смогли найти информацию об их происхождении, так что их «устарелость» не стали и обосновывать. Впрочем, что касается Крестовской улицы, то и на сегодняшний день топонимисты не сильно продвинулись в поисках этимологии её названия. А вот инфор-

мации о происхождении названия Калининской площади было более чем достаточно, но из этой информации были сделаны диаметрально противоположные друг другу выводы.

Директор Музея архитектуры Ленинграда (так в 1952 г. назывался Музей истории города) А. В. Победоносцев, с 1950 г. входивший в комиссию по наименованиям, считал переименование Калининской площади нецелесообразным, излагая свое мнение в достаточно завуалированной форме⁶:

«Несомненно, что имя И. Е. Репина должно быть увековечено в названии одной из улиц или площадей нашего города, но как кажется нам, в одном из центральных или новых городских районов. Калининская площадь по своему лишённому художественных достоинств облику и топографическому расположению не заслуживает чести носить имя великого русского живописца. Помимо того (второстепенное обстоятельство) — нынешнее название Калининской площади — одно из очень немногих, сохранившихся до наших дней от первых лет основания города».

Увы, эти маленькие хитрости не спасли историческое название. В справке об истории Калининской площади, прилагавшейся к проекту о её переименовании⁷, было подробно изложено происхождение её названия от допетровской финской деревни Каллина или Кальюла через более позднее название Ка-

линкиной деревни. Но вывод при этом был таким: «не имеет особой исторической значимости». В результате Репин был увековечен в принятом списке дважды — кроме Калининской площади, в его честь был переименован и *Соловьёвский переулок* на Васильевском острове (в улицу Репина).

Таким образом, список на переименование был сформирован уже летом 1952 г. Почему же его принятие на заседании Бюро Ленгорисполкома было назначено только на 15 декабря? Возможно, логика заключалась в своеобразном подарке к очередному дню рождения Сталина, и, по мысли инициаторов, уничтожение исторических названий демонстрировало полную покорность Ленинграда, готовность отказаться не только от «политической», но и от культурной самобытности? Всего на заседание в декабре 1952 г. было вынесено 113 пунктов⁸, в итоге были исключены 5 переименований: Большой проспект П. С. — Ждановский проспект, Басков переулок — улица Толбухина, Молвинская улица — Сивашская улица (она на самом деле была переименована ещё до войны, а в список попала из-за пограничного положения между двумя районами), Тарасова улица — Старобельская улица и Комаровский переулок — улица Мосина (эти два переименования продублировались на Охте из-за неразберихи в районах, а также потому, что сестрорецкая улица Мосина согласовывалась летом 1952 г., позже основного списка).

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 50. Д. 55. Л. 30–35.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2193. Л. 52–71.

ОТМЕНА ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ В 1953 г.

Со смертью Сталина в марте 1953 г. высшее руководство страны вступило, что называется, в период турбулентности, что немедленно отозвалось и «на местах». Стал ли случайным совпадением тот факт, что начавшаяся было публикация списка из 108 переименований в бюллетене Ленгорисполкома застыла на феврале 1953 г., а практические действия по переименованию улиц и вовсе не последовали? В апреле 1953 г. первым секретарем Ленинградского горкома КПСС (как стала называться ВКП(б) с октября 1952 г.) был назначен Н. Г. Игнатов, потеснивший Ф. Р. Козлова в партийной иерархии. Игнатов одновременно стал вторым секретарем Ленинградского обкома КПСС, а Козлов — «просто» секретарем об-

кома. При этом Игнатов вошёл в резкий конфликт не только с Козловым, но и с первым секретарём обкома В. М. Андриановым, которому в новых политических реалиях не считал нужным подчиняться. Андрианов не придумал ничего лучшего, чем пожаловаться Берии, что не повредило Игнатову, зато привело к концу политической карьеры Андрианова в Ленинграде после падения Берии.

Но какое отношение все эти партийные интриги имели к названиям ленинградских улиц? Самое прямое! Об этом свидетельствует информационная записка на имя Н. Г. Игнатова, поданная 17 июня 1952 г. заместителем заведующего отделом городского хозяйства Ленинградского горкома КПСС Агафоновым⁹. Её текст настолько показателен, что мы приводим его полностью.

«11 июня с/г. в отделе городского хозяйства проведено совещание по вопросу частичного переименования улиц Ленинграда. В совещании приняли участие зам. председателя Ленгорисполкома т. Филимонов, председатели 8 исполкомов районных советов, зав. отделом культпросветработы Ленгорисполкома, директор почтамта и представители Управления по делам архитектуры, музея истории Ленинграда, музея революции, института истории партии.

В ходе совещания выяснилось, что решение Ленгорисполкома от 15 декабря 1952 года “О частичном переименовании улиц города” подготовлено без привлечения учреждений и лиц, работающих по изучению истории Ленинграда, а также руководителей районов города, а потому страдает серьёзными недостатками, основными из которых, по единодушному мнению выступавших, являются:

- массовое переименование улиц, что влечёт значительные трудности для работы почты, телеграфа, скорой медицинской помощи и населения и кроме того требует одновременных затрат около 400 тыс. руб. на замену уличных наименований, домовых номерных знаков и новой прописки граждан. Разумнее было бы переименовывать прежде всего одноимённые улицы, число которых достигает 200, так как они вносят серьёзную путаницу в работе учреждений милиции, связи, медицинской помощи и др.;

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 61. Д. 58. Л. 95–96.

- *отсутствие идеи в системе присвоения новых названий улицам и площадям (названия, данные в честь взятия советскими войсками городов в дни Великой Отечественной войны, фактически могут восприниматься в честь самих городов; названия исторически не обоснованные, часть многоярусных и труднопроизносимых и т. д.).*

По заявлению тов. Филимонова исполком Ленгорсовета учтёт все критические высказывания и пожелания и в ближайшее время пересмотрит не опубликованное ещё решение о частичном переименовании улиц».

Не стоит придирается к утверждениям о якобы незнании о подготовке критикуемого решения руководителей городских районов и «работающих по изучению истории Ленинграда». Выше было наглядно показано, что председатели райисполкомов принимали участие в согласовании списков на переименование, — но много ли было у них шансов на сопротивление партийному давлению в разгар «Ленинградского дела» (первые согласования районов, как было показано выше, имели место ещё в декабре 1951 г.)? Да и заступничество музейщиков, как это видно на примере Калининской площади, игнорировалось или просто приводило к прямо противоположному результату. Зато абзац об «отсутствии идеи в системе присвоения новых названий» более чем наглядно подтверждает, что идеи такой и быть не могло, поскольку единственной идеей инициаторов было уничтожение исторических имён!

Безусловно, подобная информация была весьма кстати для Игнатова, который не упустил случая воткнуть «шпильку» своему оппоненту Козлову. И 28 сентября 1953 г. на заседании Ленгорисполкома (с докладчиком Н. В. Филимоновым) принимается решение №85-3-з «О по-

рядке наименования и переименования улиц, площадей и набережных в г. Ленинграде и его пригородах».

Первые пункты этого решения относятся именно к теме его заголовка: ликвидируется комиссия по наименованиям при Ленгорисполкоме, скомпрометировавшая себя участием (или, наоборот, неучастием отдельных членов) в принятии справедливо раскритикованного решения о переименовании в декабре 1952 г. Отныне представления о наименовании и переименовании должны были подаваться исполкомами районных советов непосредственно в Ленгорисполком. А четвёртый пункт решения звучит музыкой для ценителей исторических названий, да и просто для здравомыслящих людей:

«Решение Исполкома Ленгорсовета от 15 декабря 1952 года №118-3-б “О частичном переименовании улиц города Ленинграда” — отменить».

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ В 1954 г.

Как же получилось, что в итоге уничтожение исторических названий было всё же осуществлено, пусть и за исключением 12 имён в Ждановском районе? Этот факт практически

не оставляет сомнений в том, что душой и застрельщиком переименований был именно Ф. Р. Козлов, проявивший в конце 1953 г. удивительный талант политического выживания! Ведь после отстранения В. М. Андрианова от работы на посту первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Н. Г. Игнатов полагал, что эта должность уже у него в кармане. И жестоко просчитался: Козлов сумел найти общий язык с Н. С. Хрущёвым, ставшим в сентябре 1953 г. первым секретарём ЦК КПСС. И в ноябре Козлов назначается первым секретарём Ленинградского обкома КПСС, а Игнатов отправляется в Воронеж...

Тут-то в судьбе ленинградских улиц и произошёл очередной разворот на 180 градусов. На первом же посленовогодном заседании Ленгорисполкома 4 января 1954 г. принимается решение № 1-6-з¹⁰, которым отменяется предыдущая отмена переименований! За одним важным исключением: сохранялись исторические названия 12 улиц в Ждановском районе. Это *Барочная улица, Вяземский переулок, Полозова улица, Бармалеева улица, Плуталова улица, Теряева улица, Шамшева улица, Эсперова улица и Эсперов переулок, Средняя Колтовская улица, Серебряков переулок, набережная реки Малой Невки.*

На сей раз тянуть с заменой адресных знаков и перепропиской граждан не стали, и новые названия были введены с 1 апреля 1954 г. Возникает вопрос: если за переименованиями действительно стоял

Ф. Р. Козлов, так ли уж необходимо было настаивать на них в обстановке, значительно изменившейся с 1952 г.? Уже не надо было выслуживаться перед Сталиным, да и реабилитация жертв «Ленинградского дела» была не за горами... Увы, такова беспощадная логика партийно-бюрократической борьбы. Получив ощутимую пощёчину в виде полной отмены «своего» решения, настоящий партаппаратчик был просто обязан настоять на своём, когда власть снова пришла к нему в руки.

Однако каким же образом некоторые (не все) названия из списка по Ждановскому району избежали уничтожения на этот раз? Скорее всего, мы должны быть благодарны за это заместителю председателя Ждановского райисполкома Н. Ф. Ткаченко, выступавшему на заседании Ленгорисполкома 4 января 1954 г. К сожалению, спасённую тогда Теряеву улицу мы потеряли уже позднее, в 1964 г. — она с тех пор носит имя Всеволода Вишневского. Тогда же Полозова улица была переименована в *улицу Анны Ульяновой*, но это название удалось вернуть в 1991 г.

А из оставшихся 97 пунктов переименовательного списка только 9 названий в разное время были восстановлены: *Лиговский проспект* (1956), *Мошков переулок* (1989), *Введенская улица* (1991), *Сенная площадь* (1991), *Гагаринская улица* (1998), *Бастедонов переулок* (2010), *Петергофская улица* (2010), *Овсянниковский сад* (с конца 2000-х), *Лафонская улица* (2017), ещё 10 названий в разное время упразднены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, утвердившаяся в справочной литературе информация о переименовании ленинградских улиц 15 декабря 1952 г. и о возвращении исторических названий ряду улиц Ждановского района 4 января 1954 г. должна быть скорректирована. На самом деле переименование было произведено 4 января 1954 г., а «спасённые» названия улиц в этот период не изменялись вовсе.

Автор отдаёт себе отчёт в недостаточности документальных подтверждений ключевой роли Ф. Р. Козлова в печальной судьбе ленинградских исторических топонимов в 1952–1954 гг. Архивные материалы, которые могут внести окончательную ясность по этому вопросу, ещё предстоит рассекретить. Однако сомнению не подлежит следующее. Во-первых, идеальное совпадение зигзагов партийной карьеры Козлова с отменой и повторным принятием решения об уничтожении исторических названий никак не может быть случайностью. Во-вторых, этот акт

топонимического вандализма занимает особое место в истории ленинградских переименований своей беспрецедентной «заточенностью» на уничтожение. Предыдущие «волны» имели хотя бы какую-то идеологическую основу, согласно которой уничтожались «неполиткорректные» названия и устанавливались новые для прославления «правильных» личностей и событий. В этом же случае, как справедливо подметили авторы докладной записки 1953 г., имело место *«отсутствие идеи в системе присвоения новых названий»*, чем и объясняется такое воздействие «географических» новоделов. Главной идеей было лишь уничтожить безобидные названия старинных улиц, растоптать культурную самобытность Ленинграда. Об этом нельзя забывать и сейчас, когда рассматриваются вопросы о возвращении некоторых названий, переживших революцию и довоенные топонимические «чистки», но ставших бессловесными жертвами «Ленинградского дела».

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2631. Л. 2.

Е. Б. Белодубровский

МОЯ КОНЮШЕННАЯ ПЛОЩАДЬ... ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ЛИЦЕИСТ

В среду 11 января Царское Село посетили бывшие и нынешние лицеисты. В особом поезде по Императорской ветке в 11 часов лицеисты прибыли в Царскосельский павильон и были встречены начальником Дворцового управления генерал-майором князем Путягиным. У здания Лицея состоялось торжественное прибитие доски с надписью: «В сем здании с 1811 года по 1843 год находился Императорский Царскосельский Лицей». После этого лицеисты проследовали к памятнику Пушкину, и попечитель Лицея государственный советник А. С. Ермолов возложил на памятник роскошный венок из живых цветов с надписью: «Александр Сергеевич Пушкин (1811–1911)». После молебствия все лицеисты проследовали в Большой Царскосельский дворец, где им был сервирован завтрак. После завтрака, во время которого бывшие лицеисты вспоминали о старине и вели оживлённые разговоры с находящимися лицеистами, они отбыли в Петербург.

Газета «Царскосельское дело». 11 января 1912 г.

Старые лицеисты, находящиеся в Берлине, сим объявляют, что 1 ноября (19 октября), в заветный день годовщины Императорского Царскосельского Лицея, в 12 часов дня будет отслужена панихида по всем лицеистам, умершим и павшим в боях или ставшим жертвами властвующего над Россией насилия.

Газета «Призыв» (Берлин). 31 (18) октября 1919 г.

В начале было слово.

И это слово было — Лицей.

Вообще-то, мне потрясающе повезло. Я родился и вырос в огромном проходном дворе, одним концом выходящем на набережную Мойки, а другим — на улицу Желябова (тогдашнее название Большой Конюшенной улицы), которая, в свою очередь, упиралась в Конюшенную площадь. То было бойкое, звонкое, людное, вымощенное старым петербургским булыжником место, кольцо трамваев двух номеров, с уймой пацанов, гаражей, машин, будок и ларьков...

Здесь во дворах и повсюду на этажах «доходных домов», в улицах и переулках жили мои одноклассники и закадычные сверстники, друзья-товарищи, второгодники и переростки.

Но главным на Конюшенной площади, конечно, был неровно вытянутый во всю её длину грязно-беложёлто-розовый старинный приземистый низкорослый фасад милицейского гаража с круглой башней посредине и с толстенными битыми-перебитыми штукатурными колоннами по краям.

И этот дом со слепыми окнами, и наглухо заколоченный (как бы застёгнутый на все пуговицы мундир старого солдата) тускло золочённый Спас, и старинные фонари на мосту, и витая-перевитая цветами лотоса чугунная решётка Михайловского сада, и зеленоватая, вечно цветущая рябь Грибоедовского канала, и бесконечный трамвайный перезвон, и треск шин у Марсова поля — всё это непреодолимо манило меня

и будоражило мою детскую фантазию. Скорее потому (теперь-то я понимаю умом), что здесь одновременно присутствовали и трамвайный деловой рабочий Ленинград — и старый (колонны, крыши, широкие окна, решётки), пока что ещё почти не утраченный П е т е р б у р г !!!

Случалось, что я торчал там, у гаража, целыми часами, катался у самой кабинки водителя на «двадцатке» или «семёрке» (кто помнит сейчас их тогдашние маршруты!), играл в прятки с друзьями... И школу «мотать» я отправлялся непременно туда, пряча сумку за одну из колонн...

И вот однажды, в один красивейший октябрьский день, на «моей Конюшенной» я увидел совершенно удивившую меня картину. Перед обшарпанным остовом каменной мостовой у намертво заколоченной и напрочь покрашенной парадной двери, бывшей тут некогда, на коленях стоял пожилой человек в шляпе.

Стоял, положив под колени порфельчик, и — молился! Как в церкви! И даже, что называется, «отбивал поклонь». Одной рукой он крестился, в другой держал большой книжный

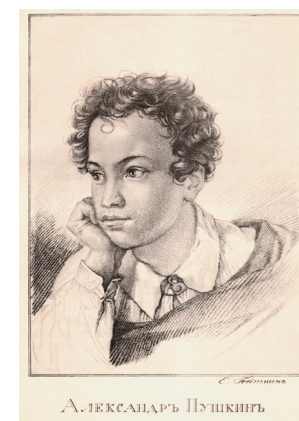
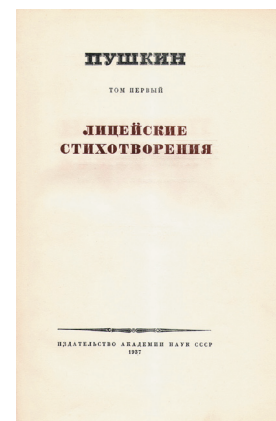
том. Вокруг этого человека торчала толпа зевак, но он не обращал на них никакого внимания, что-то бубнил про себя и был совершенно спокоен.

Я заметил у него на пиджаке под плащом военную медаль...

— Эй, дядечка! Ты что, с ума сошёл?!? Смотрите! — кричали сердобольные люди. — Хоть бы какая иконка или церковь. И милостыню не просит! На Бога надейся... А может быть, старичок перепутал место или занемог по дороге к Спасу! С кем не бывает. Бедный дядечка, спятил!..

Кто-то даже послал за постовым милиционером. Народу вокруг прибавилось, пришли на кольцо сразу два трамвая и развенелись на «всю Ивановскую», то бишь «на всю Конюшенную».

И тут наш дядечка встал с колен (он оказался довольно стройным, прямым и ловким человеком), отряхнулся, ещё раз перекрестился, потом повернулся к людям вокруг, перекрестил и их, и меня, сунул толстую книгу в портфельчик, что был под коленями, и тихо пошёл в сторону Михайловской решётки на трамвайную остановку. Я — за ним.

Г. Г. Мартынов

Любопытство моё к этому странному человеку было необыкновенным, вдобавок — медаль на его груди (напоминаю, что это было в начале 1950-х гг.). Догнал у самой остановки и спросил без всякого смущения (весь диалог повторяю по памяти):

— Дяденька, а вы кто? Скажите?!!

— Я, молодой человек, лицеист, — ответил он, нисколько не удивившись моему вопросу и никак не смущаясь. — Л и ц е и с т последнего, 1918 года выпуска, то есть прапраправнук Пушкина! По школе... Меня зовут Игорь Серафимович («Серафимович» — точно, не совсем привычное отчество!). А сегодня 19 октября. Лицейская годовщина. Мы всегда до войны ездили в этот день в Царское Село (именно так и сказал!). Да вот — остался почти один. Грустно, такая война прошла... Лицея — нет! А здесь, на площади, в этом дворе, была Конюшенная церковь, где Пушкина, нашего брата, отпевали. Милый придел. Вот я пришёл...

Клянусь, я мало что понял... Он это заметил, как-то весело посмотрел на меня, достал из портфельчика фолиант (тот самый, с которым он молился), сунул его мне в руки... Трамвай дал сигнал, лицеист ловко забрался на подножку, и двери захлопнулись... Вот и вся история. Вот так вошёл в мою жизнь Лицей!

Остаётся добавить, что книга эта, так странно вручённая мне незнакомым Игорем Серафимовичем (в награду за моё любопытство и дер-

зость), была не совсем обыкновенная: «А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в одном томе. Москва; Ленинград, 1937».

Дальнейшая судьба этого экземпляра мне неизвестна. Могу сказать только, что вскоре этот томик бескорыстно мною же самим был передан в «общий котёл», в нашу школьную библиотеку, когда по всей стране проводилась кампания «Книги — молодым городам покорителей целины».

Такое было время...

Да, ещё про медаль. Это важно! Точно помню, что она была с зеленоватой полосой на сером фоне на пряжке, то есть, как потом выяснилось, медаль «За отвагу». Солдатская. Но как однажды сказал толковый, надо сказать, писатель и наш земляк, Владимир Набоков (не последний среди пушкинистов и один из первых среди стилистов и «волшебников» пера), — вот, мол, «однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда».

И это так! И никак иначе.

И хотя сказано «волшебником» Набоковым излишне витиевато, умно, но, повторяю, — чистая правда. И про меня, и про войну, и про медальку, и про Лицей...

И в первую голову про мой бесмертный «конюшенный» том Пушкина, отъехавший из родненькой моей Желябки, прямо с Московского вокзала, на целину, которой ныне и след простыл!

Р. С. На самом деле в Музее Пушкина на Мойке, 12 знают точное имя последнего лицеиста 1917–1918 гг., как и вообще всё или почти всё, что относится к Поэту со всеми его потрохами, от рождения до макушки. Но факт остаётся фактом...

Такую же почти картинку о последнем лицеисте, относящуюся примерно к тем же годам, через много лет передал профессор, старший научный сотрудник Пушкинского Дома — светлой памяти «пушкинист из пушкинистов» Вадим Эразмович Вацуру.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТЕРИЙОКИ / ЗЕЛЕНОГОРСКА

Браво, Александр Евгеньевич; Травина, Елена Михайловна. Зеленогорск / Терийоки: дачная жизнь сто лет назад. Санкт-Петербург: Центр сохранения культурного наследия, 2016. 262 [2] с., [8] л. цв. ил. 2000 экз.

Авторы рецензируемой книги опубликовали уже немалое число статей и исследований по истории, культуре и современной жизни Карельского перешейка, прежде всего — Курортного района Санкт-Петербурга.

Подготовленное ими очередное совместное издание состоит из двух частей, примерно равных по объёму. Первая представляет собой общий (разделённый на 35 тем) очерк дореволюционной и довоенной истории дачной жизни поселения Терийоки. Изначально это один из древнейших населённых пунктов на Карельском перешейке, первое известное упоминание о котором в письменных источниках относится к 1548 г. (то есть «за два года до основания Гельсингфорса / Хельсинки, когда эта территория принадлежала шведской короне»).

Будучи безвестной отдалённой деревней (с 1811 г. — в составе Кивеннапской волости Выборгской губернии Великого княжества Финляндского, входившего в Российскую империю), хотя и немаленькой — несколько десятков дворов, — Терийоки ещё долго могла бы оставаться лесной глушью, «где иногда медведи задирали скотину». Однако в 1870 г. была введена в эксплуатацию железнодорожная линия Санкт-Петербург — Риихимяки, позволившая от-

крыть прямое сообщение с Гельсингфорсом.

К тому же к концу XIX в. окрестности обеих российских столиц окончательно охватил «дачный бум», требовавший освоения всё новых и новых территорий, подходящих не только с точки зрения природных условий, но и по удобству сообщения с Петербургом или Москвой. Прибрежная зона Финского залива,

начинавшаяся от административной границы с Финляндией на реке Сестре, соответствовала этому просто идеально. В 1914 г. пригородный поезд на паровозной тяге преодолел 45 верст от Финляндского вокзала до посёлка Терийоки с 12 промежуточными остановками приблизительно за полтора часа (современная электричка, останавливаясь так же, проходит его примерно за час).

Железнодорожный вокзал — первый объект, на который попадал дачник, прибывший в Терийоки («Буфет без крепких напитков, как и во всех дачных местах Финляндии и Выборга»); с его истории авторы и начинают свой рассказ о самой знаменитой курортной местности под Петербургом.

Если путь до дачи, гостиницы, санатория или пансиона считался вне пешей досягаемости, требовались извозчики. (Автомобили и мотоциклы в начале XX в. были ещё редки и не в почёте — согласно правилам, установленным в 1910 г. для сельских общин Выборгской губернии, «скорость движения автомобилей в сельских местностях не должна была превышать 10 км/ч; за нарушение же был установлен штраф в 400 марок».)

По верному замечанию авторов, «с одной стороны, это был иной мир, с другой — в нём было много привычного и знакомого». Отдыхающим (в 1911 г. в Терийоках «проживало приблизительно 48 тысяч русских, при 3 ½ тысячах местных финнов»), разумеется, требовались все обязательные атрибуты столичной жизни, то есть магазины на любой вкус и кошелек («кто-то по-

купал шубу, а кто-то ленточку в косу»); банки; фотографии; практикующие врачи, аптеки и аптекари; культовые сооружения для представителей разных вероисповеданий — здесь действовали лютеранский, православный, католический и магометанский приходы... Постепенно возникла потребность и в организации учебного процесса: «Уже к августу 1914 г. в Терийоках было девять школ: три финских и две русских народных школы; финский совместный лицей, русская женская гимназия, Терийокское русское реальное училище <...> и русское ремесленное училище».

Конечно, присутствовали и все обязательные атрибуты отнюдь не дешёвого курорта: общественный парк, пляж с променадом и отдельными купальнями «для мужчин и дам, где плескаться можно было вовсе без купальных костюмов», яхт-клуб, спортклуб и лаун-теннис клуб. Центром курортной жизни был кургауз (курзал), в «обычные дни» открытый «до 11 часов вечера, в «экстренные» до 2-х ночи», с казино и сценой, спектакли на которой ставил молодой Всеволод Мейерхольд, а стихи читали Александр Блок, Сергей Городецкий и Владимир Пяст... «В том же репертуаре, что и в столичных городах», уже был представлен кинематограф. Одно время даже издавалась газета «Терийокский дневник».

Упорядочением жизни на курорте занимались Общество благоустройства дачной жизни в Терийоках, отделение Общества содействия физическому развитию «Детский мир», Терийокское общество воль-

ной пожарной дружины. Одной из задач местной полиции в летнее время являлось постоянное извлечение «из кустарников за дюнами гимназистов и других “любопытствующих”, подглядывавших в биннокли за купанием дам».

Многочисленные старые фотографии (в том числе цветные), факсимильное воспроизведение рукописных документов и очень редких печатных источников начала XX в., схемы и архитектурные чертежи существующих и давно исчезнувших построек — это не просто дополнение к тексту. Сами по себе они уже дают яркий и наглядный образ давно ушедшей жизни, которая только с высоты нынешнего времени иллюзорно представляется почти благополучной и даже счастливой.

Таковой она отнюдь не была. Авторы книги не оставили без внимания ни политическую жизнь, ни убийство в 1906 г. депутата I Государственной Думы профессора М. Я. Герценштейна (сохранились памятный знак на месте его гибели и монумент на местном кладбище среди немногих старых захоронений), ни одиозную фигуру Георгия Гапона, проведшего в Терийоках три последних месяца своей жизни.

В значительной степени иллюстративный ряд выстроен из ранее не публиковавшихся материалов российских и финских государственных и частных архивов.

Вторая часть книги — «Деревня Терийоки и её обитатели» — фактически представляет собой каталог дач и других наиболее значимых строений (общим числом около 100, «по которым у авторов имеется

достоверная информация»), сгруппированных в соответствии с терийокскими историческими местностями, к которым они относятся, — Кескиюля, Оллипя, Койвикко и Кякёсенпяя.

Разумеется, участок с собственным домом в курортной местности могли позволить себе лишь весьма состоятельные люди: крупные торговцы, промышленники, банкиры, важные государственные чиновники и военные чины, — но также и профессора, архитекторы, доктора медицины, музыканты, отнюдь не только самые известные... Подавляющему же большинству отдыхающих приходилось довольствоваться одной или несколькими съёмными комнатами.

Столетие назад дач здесь насчитывалось несколько сотен. Многие из них уже безвозвратно утрачены, но ещё больше уцелевших строений — увя! — погибает буквально на глазах. Фотофиксация современного состояния бывшего деревянного и каменного великолепия, построенного в стиле северного модерна и финского национального романтизма, выполнена в основном в 2010–2015 гг. Сопроводительный текст не перегружен излишними подробностями биографий бывших владельцев, как нередко случается с краеведческими публикациями, и это составляет его несомненное достоинство.

Конечно, военные и послевоенные утраты очень значительны, однако печально, что повествование буквально изобилует указаниями такого рода: «Здание было снесено в 2009 г.»; «Выявленный объект

культурного наследия народов РФ. *Сгорела летом 2014 г.*; «Сохранилась, находится в аварийном состоянии (на осень 2015 г.)». И т. д. и т. п. — в различных вариантах.

На современных фотографиях мы видим доживающие свой век заброшенные покосившиеся дома с обдранной обшивкой, насквозь проржавевшими крышами и выбитыми окнами, бесхозные или совсем не интересные нынешним владельцам дорогой курортной земли. Состояние же тех строений, которым всё-таки «повезло», замечательно характеризуют, например, такие фразы: «Около 2010 г. была проведена реставрация дачи, в результате чего она во многом потеряла внешний облик и полностью — интерьеры. Тем не менее можно считать, что дача сохранилась...».

В приложении опубликован отрывок из воспоминаний Ирины Еленевской о переходе — естественно, нелегальном — советско-финской границы её семьёй в 1920 г. Оригинальный текст был напечатан впервые на русском языке в её книге «Воспоминания» (Стокгольм, 1967); авторами рецензируемой книги взят из Интернета.

Завершают издание именной указатель и список литературы, включающий 55 названий русских и финских источников, 9 из которых — ссылки на интернет-ресурсы.

К сожалению, в своей работе авторы, судя по всему, не использовали материалы раздела «Курортный район» из «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» — БТЭ (СПб., 2013). Напрасно. С одной стороны, это позволило бы

избежать ряда досадных пропусков и ошибок, с другой — стали бы более очевидными дополнения и уточнения к нему.

Не вдаваясь в излишние детали, которые по достоинству могут оценить лишь самые вездливые топонимисты, всё же отметим такое явное недоразумение в БТЭ, как отнесение Детского переулка к посёлку Ушково (кстати, граница между этим населённым пунктом и Зеленогорском была изменена ещё в 1997 г.) с указанием: «Название появилось в послевоенное время». На самом деле ранее существовало и финское наименование данного проезда, употреблявшееся в 1918–1939 гг. — *Нуоттакату*. Это значит, что современный топоним появился, скорее всего, в 1940 г., а вовсе не после войны. Досадно, что в БТЭ первоначальное, ещё дореволюционное наименование современной *Гаванной улицы* указано неточно — *Купальная* вместо *Курзальная*, и т. д. Уверены, что при следующем издании энциклопедии указанные неточности, как и все другие выявленные, будут исправлены.

Оборотная сторона рецензируемого издания — как будто сделанные заново «открытия» давно известных финских наименований терийокских улиц. При этом в списке названий улиц Зеленогорска / Терийок пропущены Лиственный переулок и значительное число наименований периода независимой Финляндии, как то *Савонкату* (современная улица Героев), *Питкякату* (Длинная улица), *Метсякату* (Лесная улица) и т. д.

Удачным примером сочетания привычной формы раз и навсегда

«застывшего в вечности» печатного текста с новейшими достижениями современной электронно-цифровой эпохи стало присутствие в издании графических QR-кодов (всего 103), инструкция по применению которых помещена в конце книги. Несомненно, за таким подходом, значительно расширяющим возможности получения новой информации, реальное будущее научных и научно-популярных изданий, и всем серьёзным специалистам — историкам и краеведам, хотя бы они этого или нет, в скором времени придётся освоить цифровые технологии.

В заключение отметим следующее. В условиях, когда Интернет захватывает всё больше позиций, хотя бумажные книги по-прежнему продолжают выходить, весьма печально, что на данное ценное издание справочного характера, вносящее весомый вклад в изучение истории и культуры Карельского перешейка первых четырёх десятилетий XX в., в очередной раз не было обращено должного внимания.

Это несправедливо, но, к сожалению, ныне случается с завидной регулярностью даже с такими масштабными проектами, как БТЭ.

Можно привести примеры и других фундаментальных научных изданий, в том числе непосредственно связанных с изучением деятельности первой волны русской эмиграции на территории Карельского перешейка, которые стали достоянием лишь узкого круга специалистов, да и то не всех... Это и внушительный том «Редакционная переписка “Журнала Содружества” <Viipurin (Выборг), 1933–1938> за 1932–1936 годы с приложением Полной росписи содержания журнала. Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии», выпущенный А. Г. Тимофеевым (СПб., 2010), и «Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.)» П. Н. Базанова (СПб., 2015). И хотя авторы рецензируемого издания пользовались второй книгой, общей проблемы это не снимает — ведь в подобных исследованиях впервые вводятся в научный оборот огромное количество неизвестных ранее сведений!

Безусловно, издание, подготовленное А. Е. Браво и Е. М. Травиной, может быть рекомендовано не только специалистам, но и всем любознательным читателям, активно интересующимся заявленной темой.

Белодубровский Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Мартынов Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат первого и шестого киришских открытых городских краеведческих конкурсов «Наследники Бестужевских традиций» 2012 и 2017 гг. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Петров Даниил Викторович

Окончил Санкт-Петербургский государственный университет. Кандидат юридических наук, магистр Университета Манчестера. Работал начальником арбитражного отдела КУГИ Санкт-Петербурга, начальником отдела государственной политики Адвокатского бюро «ЕПАМ», начальником Департамента управления имуществом ОАО «РЖД». Общественная работа — в поисковом отряде «Орёл» (Тверская область). Вице-президент Фонда поддержки исторических традиций «Возвращение». Автор двух монографий и более 30 статей на правовые и исторические темы.

Попов Роман Аркадиевич

Окончил географический факультет МГУ им М. В. Ломоносова. Кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ. Специалист в области экономической и социальной географии (геоурбанистика, география населения) и муниципального управления. Заместитель директора направления «Муниципальное экономическое развитие» Фонда «Институт экономики города» (Москва). Автор и соавтор ряда статей и монографий по актуальным вопросам социально-экономического развития городов и агломераций.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Тихомиров Борис Николаевич

Заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге, доктор филологических наук, член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г. Автор нескольких книг и ряда статей, посвященных теме «Петербург Достоевского».

Издание подготовлено
СПб ГБУ ДПО
«Институт культурных программ»
при поддержке Комитета
по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
Email: toponim@spbicpr.ru
Сайт: www.spbicpr.ru

Состав редколлегии:
А. С. Зонин,
И. Н. Кизилова,
Е. П. Хацкевич

Главный редактор:
П. А. Скрелин

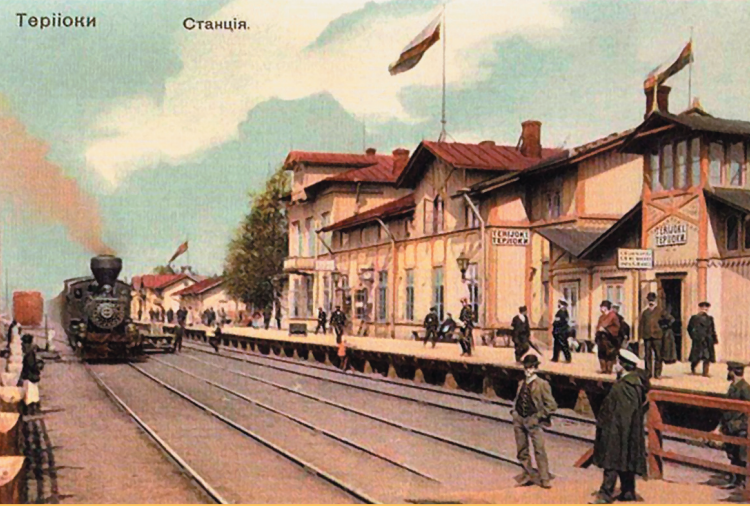
Ответственные редакторы:
А. Г. Владимирович,
Г. Г. Мартынов

Дизайн, верстка,
фотографии на обложке:
А. Ю. Тропин

Оригинал-макет и печать:
«Профи-Центр»

© Институт культурных программ
Полное или частичное
воспроизведение издания запрещено
без письменного разрешения
СПб ГБУ ДПО «Институт
культурных программ»

Теріюки

Станція.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ